

10 Listopadu 1932. || — **Volné Kozáctvo** — Ročník V.

116

10-го ноября 1932 г.

10-го листоп. 1932 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый

РІК ВИДАННЯ 5-ий

Ю. Титон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Ив. Томаревский: Родная песня. (Verše).
 2. Борис Кундрюцков: Мой дом. (Verše).
 3. Вл. Куртин: Цветы в гробу. (Květiny v rakvi).
 4. С. Савицкий: Гимн Козакии. (Verše). _____
 5. Казачьи права и привилегии. (Kozácké práva a privilegie).
 6. Чужинец: Пропаганда вольно-казачьих идей в эпоху Крымской войны. (Propaganda volno-kozácké idej během Krymské války).
 7. А. Ленивов: Боевое напряжение сил Казачества в эпоху Мировой войны. (Válečné napětí kazáctva během Světové války).
 8. В. И. Елисеев [В. Петров]. Об „интеллигенции“. (О „inteligenci“).
 9. И. М. Назаров: Казачья жизнь за границей, ее течения и казачья правда. (Zahraniční život kozáků a kozácká pravda).
 10. Петр Крюков: О Походном Круге Спасения Казачества. (O sjezdu záchrany kazáctva).
 11. Еф. Якименко: Возможно ли примирение. (Možne-li příměří?).
 12. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 13. Генерал К. А. Ленивов (Gen. Lenivov).
 14. Павел Поляков: Кто он? (Kdo on?).
 15. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 16. В Козакии. (V Kozácku).
-

Почтовый ящик.

Италия. — Н. П. — Будет помещена в след. номере. Привет.
Виши. — С. Ч. — Письмо и фотография получены. Все улажено. Привет.
Бор. — Х. Д. — Можно ли опубликовать в журнале Ваше сообщение о том собрании, на котором читался „приказ“ ген. Н. о „составлении списка в.к. для „исключения“ их из „Войска“?

Франция. — С. А. — Получено. Привет.
Банат. — Г. А. — Исполнено. Привет.
Франция — И. Б. — Получено. Привет.
Бельгия. — Н. Б. — Будет помещено в следующем номере. Привет.
Париж. — А. Д. — Посылаем. В Valence г. М. посылается тоже. Привет.
Привлака. — П. М. — Исполнено. Привет.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.
В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. М-еур Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. М-еур Margouchine.
Bukarest V.
А. К. Бабков. М-еур Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.
А. Кирьянов. Августов.
Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. М-еур Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. М-еур Khoroujenko; Lyon-Vaise.
И. В. Чуприна. М-еур I. Tchouprina. Cenon (Gironde).
С. К. Поляков. М-еур S. Poliakoff, Rombas.
Г. В. Балабин. М-еур Balabine. Ugine.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. М-р Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

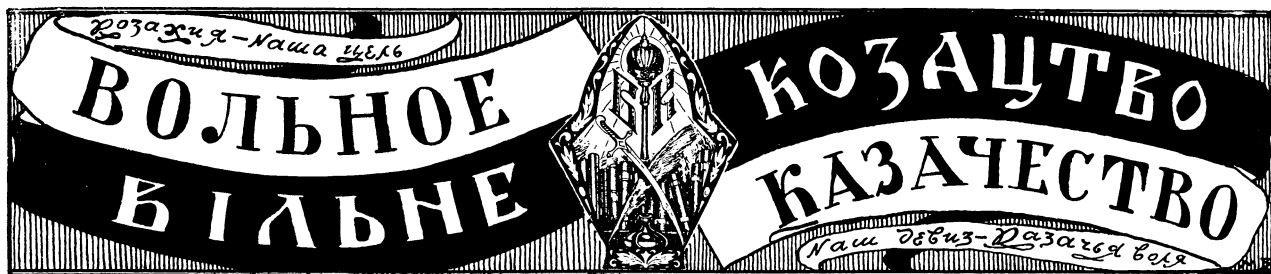
С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Ковловский. Berlin.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 116

Четверг, 10 ноября, 1932 = Четвер, 10 листопада, 1932.

№ 116

Ив. Томаревский (Болгария).

РОДИМАЯ ПЕСНЯ.

Жив я и весел своею лишь песней —
Тою, что пелась душою моей
В прошлое время на родине милой
В ширях бескрайних родимых степей.
Песней и здесь, на немилой чужбине,
Тешу я душу казачью свою —
С нею мне легче бороться все невзгоды,
С нею я будто в родимом краю.
Чтоб не случилось в жизни со мною,
Стоит лишь песню родную запеть —
Все забывается — горе и боли —
Мне еще можно и жить и терпеть...
Можно с улыбкой надежды и веры
Ждать всеказацкого паденья оков,
Ждать того часа, когда Казакия
Волю увидит прошедших веков...
Эх, ты, родимая песня казачья!
Ты лишь отрада в тоске и беде,
Ты лишь одна на немилой чужбине
Радует душу казацкую мне!

Борис Кундюков. (Белград).

МОЙ ДОМ.

В далекой так теперь покинутой стране
За тыном дом стоит прогнившим, обветшалым...
И в запыленном выбитом окне
Заткал паук дыру серебристым покрывалом...
И в комнате моей скрипучие полы
Давно мышей добычей легкой стали,
Ободранных обоев бахромы
В цветах малиновых от времени слиняли...
На подоконнике стоит ли цикламен,
В горшке обернутом что пышно разрослся...
Там сырость жуткая с углов глядит и стен...
Мой старый дом... Поэт с тобой расстался...
Мой дом — три комнаты и светлый коридор,
В котором коконы плели мои друзья...
Как много времени уплыло с этих пор...
И черви расплозились по свету, как и я...
Но верится — летят обратно птицы —
Я стариком вернусь в забытый дом,
Пройду я медленно родимую станицу
И слезы не сдержу пред дедовским крыльцом...

Вл. Куртин. (Югославия).

Цветы в гробу.

(Продолжение).

Где-ж я тогда? вскочил вдруг Егор. — За „рошей“?
Щетинистые усы его наежились. За нависшими
бровями, как угольки, загорелись глаза.

— Успокойся, милый! ухватила было его за пояс
Вера, но Егор грубо оттолкнул ее. Девочки вскрикну-
ли, забились в угол.

— Что же они думают, что я, как баран, пойду
на заклинание?! Ну, нет, товарищи, раздроблю и я кой-
кому череп!..

Борис, упершись локтями о широко расставленные
колена, молча сжимал в висках голову. Вера со стра-
хом следила за каждым движеньем мужа, но с не-
меньшим страхом прислушивалась и к шуму дождя за
стеною. А Егор, точно зверь, метался по комнате, за-
давая головой за подвешенные доски, отчего все эти
разноцветные астры, „чехрани“, вполы, „камелии“...
конвульсивно вздрагивали, махали головками на тонень-
ких стебельках-шеях, заплетались...

— Что-ж они думают, что последний Клушин так-
таки и станет за рошей?... Да еще и яму сам себе вы-
копает?!

— А что-ж ты сделаешь? не поднимая головы,
отозвался Борис.

— Что сделаю?... их мать!.. застонал Егор, так
же внезапно притихши, как и вскипел.

— Что сделаю?..

Присел на корточки около Бориса, ухватился за
голову...

— Да! Что сделаешь?... Ведь видишь и сам, до чего
дошло: радуемся, что нас из родных хат выселяют
чорт знает куда... а все же — отсрочка... наших дож-
демся... а дома?

— Не останусь я дома, — тихо, будто про себя,
пробурчал Егор.

— А — мы?

Егор круто повернулся к жене. — Сперва я, а по-
том — вы!

— А если нас, за тебя, еще прежде расхoduют?..
— И вы из дому вон... Эх, дожились... Егор крякнул, скрипнул зубами... Дожились... Из родительского дома — бежать...

— Но куда?.. Уставились на него Борис и Вера.
— Обдумал я все. И ждать нечего: Ночь хорошая, а...

— Хорошая! Иронично перебил Борис.
— Что-ж делать?.. Ты, Борис, пойдй найди Николку. Он проведет так, что ни собака, ни чекист не нанюхают...

— Но куда? как?.. Заплакала Вера.
— В Армавир!
— А там?..
— Там живет Вагнер. Ты его не знаешь. Это наш зять — муж покойной Поли. Он немец. На хорошем месте служит... а ты — волячка...

— Ну?.. Вытянула шею Вера.
— Ну и выйдешь за него...
— Да ты не рехнулся ли?.. А ты?..
— Я уйду на время в другую сторону...
Красивое, бледное лицо Веры покрылось пятнами:
— Нужно ли так, милый?..
— Другого нет...

Бешенный удар ветра тряхнул домом. По закрытым ставням затарахтел дождь. Пламя коптилки прижало к фитилю, а в жуткой пляске теней погнутые фигуры сидящих около коптилки казались привидениями, фантастическими изваяниями Последних Мучеников... после которых остаются лишь руины. Молчаливые свидетели последнего акта сатанинской работы Красного Хама.

— Хорошая ночь, тяжело вздохнул Борис, вставая.
— Ну, я пошел, а вы...
— Будем готовы... Добра-то...
— Да куды-ж мы... Крошки мои милые!.. Заголова Вера, затворяя за Борисом дверь.

* *

Выйдя от Клушиных, Борис несколько минут простоял под сараем, прислушиваясь, высматривая — не вертятся ли около дома „десятники“, что, как шакалы, разнюхивали по казачьим дворам, донося о всем виденном и слышанном дежурному чекисту. Но и казаки уж не были так неосговоржны и прямолинейны, как в первые годы. Многие переняли от тактики своих врагов. Были и у них и свои „дежурные“, и свои „разведчики“. В эту неделю „дежурным“ был „бывший“ старообрядческий поп о. Филон, к которому Борис и отправился напрямки, через дворы и пустынные улицы.

Легко было идти по казачьим дворам: базы разгрожены, амбары и сараи частью сожжены, частью поразвалились; сады и „полисадники“ вырублены... От многих казачьих дворов осталось лишь по несколько обгорелых пней, да кучи кирпичи и глины... Жутко, мертво... И только там, где водворились „пензенские бригадники“, еще заметна „жизнь“: Здесь следы разрушения казачьего добра еще свежи...

Борис шагал — точно землю мерил. А в мозгу его никак не могло прочно усесться сознание, что все это — красные борозды, советчики в правлении, кино в церкви, кучи кирпича и самана на местах казачьих домов, Николка, выселения, „Роща“ с сотней расстрелянных за ней станичников... — что все это действительность. И, хотя уже не один год прошел от того дня, когда „рассейцы“ ворвались в станицу и начали водворять в ней коммуны, Борис никак не мог избавиться от недоуменного вопроса:

— Да неужели же это взаправду случилось?.. А если уж случилось, — когда же конец?.. Не довольно ли потешились?.. Когда же, наконец, придут наши?.. Что-то уж слишком долго задержались...

С улицы послышались голоса. Борис насторожился. Присел за канавой.

— Мужланы, процедил он, узнав станичных советчиков. Их было трое. Очевидно, возвращались из совета.

— Ну, а я и говорю, кричал один из них, — ну, а

как же мы жить будем, ежели ешшо 200 семей пришлют?

— Дык ён говорит, што ешшо казаков выселють!
— „Ешшо“, разводя руками, передразнивает первый, — а сколько их осталось?..

— И вас мало останется, мать вашу..., думает Борис, выжидая, когда отойдут подальше „старожилы“. Пересекши еще три улицы, Борис вышел на „гору“ (так звали высокий правый берег Кубани). Внизу забелела набухшая от дождей Кубань. За ней, вдаль, мерцали огни Армавира, а еще дальше — темные дождевые тучи упирались в едва заметные контуры гор. Выждав десяток минут под черносливами Ханина сада, Борис осторожно подошел к мазанке, висящей над самым обрывом. В этой мазанке некогда жил какой-то безродный старец и стояла она на 5—6 аршин от обрыва. Теперь земля потвалилась до самой стены, а в мазанке жил бывший староверский поп о. Филон.

Обойдя мазанку с трех сторон, Борис спустился под обрыв и оттуда уж, по размякшим глиняным ступенькам, поднялся к дверям мазанки. Стукнув о крохотное оконце, что, как слезящийся глаз кривой старухи, глядело на закубанье.

— У имятца, и сына, и духа свята, скороговоркой выпалил он, почти прижав губами к стеклу.

— Аминь. Раб божий?.. Послышалось из-за стекла. — Борис.

О. Филон отворил дверь и впустил Бориса в крохотный, накрившийся к Кубани чуланчик.

— По какому делу?..

— Миколка нужен.

— Пошто?

— Веру Клушину с детьми в Армавир доставить.

— А Ягор?

— В Рассею убежать хочет.

— И нужно... нужно... Слыхал уж, что он у антихриста в смертниках значится... Сейчас позову Миколку. Подожди тут, в сенцах.

Старик вышел, т. е. спустился по ступенькам вниз, к садам, а вскоре Борис услышал тоскливый зов сыча:

— Чук!.. Чук!..

Где то ниже отозвался другой. Их меланхолическая переключка продолжалась недолго.

— Видишь — и им не спится, заметил Борис вернувшемуся о. Филону.

— Ты про кого это?

— Да вот сычи. И им говорю, не спится.

— А-а!.. Протянул Старик. Кому нынче спится! А сычи — што-ж, — голодные... Ночь то какая!..

— Ну?.. Услыхал вдруг Борис за стеною короткий, резкий голос Николки.

— В Армавир тетку Веру с детьми сопроводить, повернувшись и почему-то переминаясь с ноги на ногу, ответил Борис.

— Николка помолчал с минуту. При слабом свете потайного фонаря Борис увидел, что Никола одет по последней чекистской моде: кожаная на бараньем меху тужурка, кожаные штаны, высокие сапоги. На голове кубанка, покрытая серым башлыком.

— Вот что, Борис: приведи ты их к „Шпилю“, что над „Бездорожкой“. Только — в два счета! Потому — к заре разведрится.

Повернулся и так быстро спустился вниз, будто и не был в чуланчике.

— Ну, пошел и я, отче!

— У име Исусово, проводил Бориса поп и поспешно задвинул тяжелую задвижку на дверях своего чуланчика.

* *

Николка — сын расстрелянного в прошлом году „возвращенца“ Петра Черноусова. До появления из-за границы отца, единого божества, которому его мать научила молиться, Никола прошел полную неопишуемых лишений и жестокости школу беспризорных. Потом поступил на службу в Огду. Узнав о возвращении отца, взял отпуск в соседнюю станицу. Одну только ночь провел он со своим отцом... А когда, перед зарей, выходил из отцовской хаты, наткнулся на шпионившего за возвращенцем чекиста. Не размышляя, „сadanул“

его по голове зажатый в кулак наганом... А утром — голый, изуродованный труп его отца уже вывезли — под „яр“...

Тут, в глубоком яру за станицей, Николка просидел над трупом отца всю ночь... кое-как засыпал его навозом и глиной и — в отряд Огпу уже не вернулся. То, что он сын Петра Черноусова, „убившего чекиста“, даже и из казаков мало кто знал.

Николка стал „бандитом“. Чекисты охотились за ним, как за зверем, но у Николки — звериная жизнь и неугасимая жажда мести, вечной мести за отца — выработали чисто звериный нюх и изворотливость.

По Кубани, от станицы Б. до самой К. у него было достаточно надежных мест, где он мог выспаться и, переодевшись, очутиться там, где его меньше всего ожидали.

Егор виделся с ним довольно часто и через него же держал связь с Вагнером. Николка же снабдил Егора и паспортом одного коммуниста-токаря, которому тот уже „не был нужен“.

Отлично знал — кто этот неизловимый „бандит“ Николка, и воротила из райкома Клим Иванович. Но у него не было ни малейшей охоты помогать чекистам ловить его. И потому был совершенно спокоен от всяких „неожиданностей“ со стороны того „чертенка“, как он, в мыслях, звал небольшого, коренастого и черного, как жук, Николку.

* *

Клим Иванович хотя и „положил“ резолюцию: „Не убирать, пока не опрошу лично“, но нисколько не заблуждался относительно значения своей резолюции. Местная чека посылала ему только те „случаи“, какие чекисты, по каким то там своим соображениям, не хо-

тели ликвидировать сами, а прикрывались за „решение“ районной власти.

Что было с Егором, он не знал. В чем „провинился“ — из „акта“ не было видно. А это значило, что за Егором нужно было найти что-нибудь из прошлого. Дать чекистам „материал“, на основании коего они могли бы из ликвидации Егора сделать громкий „удар по удару сзади“. Нужно было торопиться. Но не с опросом „лично“. Ибо после опроса он уже ничем помочь Егору не мог бы.

Клим Иванович вошел в кухню, служившей и столовой, где Марьяна, толстая, добродушная баба с заплывшими „калмыцкими“ глазами, готовила ужин.

— Марьяна, кто у нас нынче полы чистил? Согнув вниз шею и рассматривая пол, спросил он жену.

— Нюрка Бикетова, а што?..

— А то, что за такую чистку я прикажу ей выспать!..

— Ты на него!.. Ошалел совсем!.. Что-ж им еще нужно?.. Полы, как полы..

— Сейчас же чтоб была тут... Понимаешь?.. Набросился Клим Иванович на опешившую жену.

— Сейчас же!..

Бормоча что-то себе под нос и крестясь украдкой, Марьяна накинута на голову винцераду и выскочила на улицу.

Клим Иванович поспешно шмыгнул в кабинет, достал из конторки связку бумаг и, найдя Егоров „опросный лист“ еще из двадцатого года, как и некоторые другие документы, имевшие отношение к его „контрреволюционной деятельности“, скомкал их и, вернувшись в кухню, бросил в печь.

Когда Марьяна вернулась с перепуганной насмерть Нюркой, Клим Иванович мирно читал у плиты „Молот“.

(Продолжение следует).

С. Савицкий (Бразилія).

ГИМН КОЗАКІЙ.

(Проект).

Тобі ми дякуємо, Боже,
Що нам створив батьківщину,
В якій козацтво все злилося
В одну сім'ю, мов сталь міцну.

Ми на чуже не посягаєм
Й свого нікому не дамо.
За нашу волю, присягаєм,
Й життя в борні покладемо.

Казачьи права и привилегии.

I. Казачьи „привилегии“.

Положение Казачества в недавней освободительной войне было значительно хуже и труднее положения других народов, боровшихся за свое освобождение, т. к. значительно большая часть неказачьего населения казачьих республик, нашедшего в прошлом приют на казачьих землях, во время борьбы примкнула к русскому большевизму и затруднила Казачеству сопротивление вражьи силы, подрывая и разрушая его изнутри. Непомерная борьба Казачества на своих Землях против двух остро-враждебных фронтов, извне — против северных большевиков и внутри — против их пособников из инородных — наряду с другими причинами — сломила силу казачьих республик.

Но вот странно: в то время, как борьба всякого иного народа за свои права и свободу на своих исторических землях признается вполне понятной, оправданной и освященной высшей человеческой справедливостью, — в отношении казаков такая борьба неказачьей мыслью истолковывается почти всегда совершенно иначе. При таком несправедливом для Казачества толковании его борьбы не исходит даже из основных — необходимых в подобном случае — предпосылок борь-

бы народа на своей земле, а сразу обнаруживается предвзятая тенденция, имеющая задачей извратить казачье национальное движение в какую то мелкую борьбу отдельной, якобы, группы населения бывшей Р. И. за свои сословные интересы.

Мы не говорим уже о всевозможных русских авторах такой извращенной мысли, которые в силу своего еднотелнического мировоззрения враждебно относятся к казачьей борьбе и казачьим стремлениям — то-ли умышленно и нечестно искажая их смысл, то-ли действительно не будучи в состоянии понять и оценить их суть. Довольно бы для примера указать на ген. Деникина, близко столкнувшегося с казачьим движением во время борьбы „белых“ на казачьих землях. Этот русский генерал, воспитанный, очевидно, на трафаретных учебниках русской истории, трактующей слишком „по казенному“ о народах б. Р. И. и их исторической судьбе, является, в общем, довольно типичным и полным выразителем русской общественной мысли о Казачестве. В репликах и суждениях ген. Деникина о неудачах „белых“ на казачьих территориях (и в частности на Кубани) ясно проскальзывает желание навязать причины своих неудач и „сословному“ эгоизму казаков в их споре с крестьянским или инородным населением сво-

их Земель. Эта, дескать, вражда казаков к иногородним и непримиримое эгоистическое стремление их к сохранению прав на землю и всех прочих (как бывшего военного сословия) „привилегий“ привела к разрушению единства казачьей страны, укрепила там силу большевизма и, в конечном результате, повлияла и на борьбу „белых“ (ген. Деникин: „Очерки Русской Смуты“, т. III).

Такое общее русское мнение мы могли бы иллюстрировать многими примерами. Нас это и не удивляет. Мы считаемся с тем, что честное и искреннее отношение русских к нам, казакам, и действительное понимание наших освободительных стремлений связано у них слишком сильно их собственными интересами, их историей, их психологией, — всем их миропониманием. Считаемся и — ведем борьбу за свои интересы, свою историю, свое миропонимание.

Но нам кажется несколько странным, когда подобный голос мы слышим со стороны украинцев известного политического толка, группирующихся вокруг „Кубанского Края“. Один из украинских сотрудников этого „казачьего органа“ г. П. Сулятицкий и в своих статьях о „казачьем железе“ и в отдельном изданном труде „Нарис з історії революції на Кубані“ высказывает все ту же свою основную мысль, что все собственно казачье движение на Кубани было ничем иным, как лишь эгоистической сословной борьбой казаков за свои групповые права и стремлением сохранить свои военно-сословные привилегии. При этом г. Сулятицкий, точно так же, как и ген. Деникин, проводит резкую отличительную черту в социальном и правовом положении казаков и иногородних на казачьих территориях и (совсем подобно Деникину) характеризует и обосновывает причины их враждебных отношений. Взгляд г. Сулятицкого на казачье движение в данном случае удивительно совпадает со взглядами и мнением русского единомудельского лагеря.

Что это? — Тоже нечестное, неискреннее отношение к Казачеству или непонимание казачьего вопроса вообще?

По мысли г. Сулятицкого казачье движение на Кубани выходило бы из рамок узко сословных стремлений и превращалось бы в широкое национальное движение только тогда, когда бы кубанские казаки (имеются в виду только Черноморцы) солидаризировались бы и соединились с иногородним украинским населением Кубани (об иногородних русских вопрос остается открытым). Такое казачье движение было бы для г. Сулятицкого желательным как украинское национальное движение на Кубани.

По мнению ген. Деникина, наоборот, чисто казачье движение перестало бы быть сословным и превратилось бы в широкое русское национальное движение тогда, когда бы кубанские казаки (одинаково — Черноморцы и Линейцы) соединились бы с русскими людьми — с русским крестьянским и вообще иногородним населением (иногородние украинцы включаются в состав русских).

А так как ни того, ни другого не случилось, то в большевизме и русских и украинских крестьян на Кубани (аналогично, очевидно, и в других казачьих Краях) виновны, по мнению обоих авторов, лишь „безрасчетные“ казаки, толкнувшие из-за своих эгоистических „сословных“ интересов и „привилегий“ иногородних и крестьян в лоно коммунизма (а с ними и собственную судьбу).

Некритическая предвзятость и грубая полигическая тенденция и у Деникина и у Сулятицкого (у каждого, конечно, своя) в таких рассуждениях и умозаключениях ясна и очевидна; выражена она у них по одной и той же линии, хотя и подходят они к вопросу каждый со своей стороны.

Интересно было знать, как решали бы этот вопрос указанные противники между собою и как да чем доказывали бы они свои утверждения вне казачьего вопроса? Впрочем, решение этого вопроса мы оставляем им самим. Пусть себе они между собою ломают копы и доказывают, кому принадлежат казаки и иногородние на казачьих землях... Мы же знаем свое: принадле-

жим самим себе, а наши земли принадлежат нам.

В данном случае нам лишь необходимо констатировать то поразительное обстоятельство, что и русские и некоторые украинские круги, каждый исходя из своих предвзятых и тенденциозных предпосылок, сходятся одинаково согласно на одном — на отрицании собственно казачьего движения, как движения национально-государственного, и на определении его как движения узко сословного.

Отказываясь признавать казачью революцию на Кубани, как проявление широкого и самобытного народного казачьего движения, стимулируемого всем специфическим казачьим укладом жизни и могучим комплексом исторически традиционных социальных и правовых казачьих понятий, Сулятицкий отказывает вместе с тем в признании за казаками прав на свою собственную национально-казачью революцию.

И опять странно: для самого Сулятицкого является совершенно понятным и естественным, когда иные народы — грузины, армяне, туркестанцы и др. и, наконец, сами украинцы, стремясь к освобождению и утверждению своей национальности в своей государственности, куют свои „национальные железки“, но вот когда за кование своего собственного „казачьего железа“, принимаются казаки, это уже становится для г. Сулятицкого неестественным, непонятным и выходит за рамки его обычного мышления.

Где же причина такого неравного отношения к правам народов и такой неодинаковой характеристики их освободительных движений?

Ответ на этот вопрос дает г. Сулятицкий своими статьями в „Куб. Крае“ и, главным образом, в своем труде „Нарис з історії революції на Кубані“. Сводя все казачье движение на Кубани лишь к одной борьбе казаков за свои узкие сословные интересы, Сулятицкий пытается при этом установить якобы и „естественные“ причины этой борьбы, приведшие к печальному провалу вообще революции на Кубани. Эти причины, разделившие в борьбе все население Кубани на два лагеря — казаков и иногородних, — можно в общем понимать, как обладание казаками особыми, отличными от всех остальных социальных групп б. России, правами и „привилегиями“. Борьба казаков за эти пресловутые привилегии, упорное их отстаивание и нежелание поступиться ими или поделиться с иногородними, особенно нежелание казаков солидаризироваться с иногородними украинцами*) и привела к гибели революции на Казачьих Землях.

Необходимо при этом еще раз отметить, что мысль Сулятицкого о казачьих привилегиях почти точно совпадает с такой же мыслью о них русских единомудельцев, всегда и везде не упускающих случая колнуть казаков их „привилегиями“, возведшими якобы казаков в отдельное выгодное сословие и возбуждавших зависть и ненависть к казакам остального подневольного населения б. России.

Таким образом — одинаково — и в понимании русских единомудельцев и по мнению г. Сулятицкого выходит, что ничто иное, как „казачьи привилегии“ были наибольшим злом и что это они сыграли такую роковую роль в событиях 1917—1920 годов. Казаки, дескать, имели привилегии; эти привилегии выделили их в обособленное выгодное сословие; во время революции обладатели этих привилегий — казаки — не захотели поделиться ими с бесправным крестьянским и иногородним населением и всю свою казачью борьбу свели к защите этих своих сословных интересов, — это, мол, и привело к гибели освободительное дело.

— Вот общая схема примитивного мышления всех единомудельцев и Сулятицких из „Куб. Края.“ Разница лишь в том, что в конечном заключении из вышеприведенного русские „освободительное дело“ относят к движению „белых“, а Сулятицкий понимает под этим украинскую национальную революцию на Кубани. Это противоречие оставляем им решать самим между собою. Одно ясно, что казаки действительно не имели причин

*) Какого нибудь украинского национального движения среди иногородних мы, все же, тогда не видели.

увлекаться ни тем, ни другим. И в этом, конечно, по мнению неказачьих авторов виноваты казаки и их „привилегии“. И это, безусловно, заставляет Сулягицкого несправедливо (не говорим уже о русских) отказывать казачьему движению в характере широкого собственного казачьего народного движения.

По Сулягицкому: если казачье движение на Кубани не было движением украинским, то это вообще не было революционным широко народным движением, а было скорее реакционной борьбой за свои сословные интересы, разбившей единый революционный фронт с инородными украинцами (существовавший только в голове у г. Сулягицкого уже в эмиграции, ибо никакого широкого украинского движения среди инородных на Кубани не было). Проблемки действительно революционного казачьего движения проявлялись лишь там, где Черноморцы вступали прямо или косвенно на один путь с Украиной... Но во всем, во всем виноваты, конечно, казаки привилегии, которые, правда, мало называются Сулягицким просто по имени, но его ненависть к которым чувствуется огненно дышащей из всех его литературных о казаках трудов. Виноваты казаки права и привилегии — в общем — „казачье железо“.

Но что же это за „казачье железо“ — „казачьи привилегии“ и как они понимаются и объясняются неказачьими авторами и противниками Казачества?

Внимательное наблюдение над мыслью наших противников, навязывающих нам какие то „привилегии“, приводит нас к заключению, что они как будто сами не знают, о чем говорят и не дают себе добросовестного отчета в неясности этого вопроса.

Действительно: что такое привилегия? — Ответ по существу один: дарственное право на какие либо выгоды. Кто-то кому-то дарит какое либо право на те или иные выгоды (какие сам имеет), отличающие одаренного от общих окружающих условий. В этом и заключается процесс явления всякой привилегии, как некоторой правовой нормы. Всякое право природное (натуральное) и самостоятельно добытое не может считаться привилегией, — как, напр., право всего живого на воздух. Это есть просто право без всяких оговорок. Такое право насильственно можно лишь ограничить или отнять, но дарить его никто не может, ибо сам человек является источником этого своего права. Дышать воздухом; пользоваться продуктом своего собственного труда; жить и в поте лица своего обрабатывать свою землю; жить какому нибудь народу на своей территории; образовывать на ней свои формы социального и политического общежития, развиваться и жить самостоятельной государственной жизнью — все это не есть какая нибудь привилегия.

Пользующийся привилегией всегда есть объектом чужого права. Пользующийся же натуральным или обычным правом является сам субъектом его (права).

Конечно, в простой повседневной обывательской речи зачастую не делается строгое различие между этими двумя разными по существу понятиями. Понятия права и привилегии смешиваются. Нам кажется, что и противники Казачества смешивают вопросы и понятия о казачьих правах и о так называемых „привилегиях“.

Ведь действительно, всякому внимательному, добросовестно мыслящему, озабоченному с бытовым и общественным укладом жизни Казачества и его историей никогда бы и в голову не пришло видимые самобытные особенности казачьих народов называть какими то привилегиями. Ведь никто же не называет привилегиями особенности какого либо иного народа.

Нет по сути никаких и казачьих привилегий — есть просто их народные особенности и права, и — сохранились было еще к 1917 году остатки автономных прав некогда свободного и самостоятельного Казачества.

Основы своих особенностей — национальных признаков бытовых, социальных, общественных и правовых форм, Казачество выработало уже в давнишние исторические времена, еще тогда, когда не то что Российского, а и Московского государства не было. — Каким же это образом все эти особенности и права казачьих народов, живших самостоятельно вне России, можно было понимать раньше как особенности и права

именно народов, а со времени вхождения казаков в состав Р. Империи вдруг те самые признаки, особенности и права их становятся уже особенностями сословными — сословными привилегиями? Возможно ли, чтобы казаки до России были народом, а в России стали сословием? Возможно ли, чтобы казаки, будучи в составе России „сословием“, порвав во время революции государственную с нею связь, вновь стали народом и утвердили у себя собственную государственность? [Почему же тогда мы не видели подобных процессов у других сословий русского народа?].

Это ложное понимание и намеренное смешивание казачьих народов с сословием в действительности началось лишь с того времени, когда Казачество вошло в состав России и стало на общем фоне сравнительно одинакового бесправного населения громадного государства замечено выделяться своими особенностями. Тогда то и произошла эта довольно грубая (в административном порядке!) подмена понятия казачьих народов „казачьим сословием“, а понятие и содержание дедовских прав (сначала суверенных, а позже автономных) Казачества — „казачьими привилегиями“.

Способствовали этой замене правдивого по сути понятия понятием извращенным прежде всего (в своих политических интересах) само русское правительство и русская казенная история, внедрявшая в сознание русского общества свою фальшь по этому вопросу с такой силой, что у многих русских, даже просвещенных людей, она не выветрилась и до сих пор. Так именно и создалась в русском массовом обывателе легенда о казачьем сословии и казачьих „привилегиях“.

Но почему же обычная мерка, прилагаемая к измерению особенностей и прав иных народов, в руках Сулягицких сейчас же меняется, как только они ею коснутся казачьих народов?

Мы уже сказали, что главной причиной такого явления есть просто грубая политическая тенденция и предвзятость мысли у всех недругов Казачества, так или иначе „разрешающих“ казачий вопрос. Самого главного в этом вопросе они не могут или не хотят понять. С нескрываемой (или плохо скрываемой) собственноручной политической тенденцией все противники Казачества подходят так легкомысленно к казачьему вопросу и легко превращают основные права казаков в сословные привилегии потому, что это им для их политических комбинаций и спекулятивных заключений выгодно. Вот и все.

Но суть и структуру казачьего вопроса следует и необходимо рассматривать во всей его полноте и широте; всю жизнь и состояние казачьих народов надо брать в собственной широкой исторической перспективе вне связи и зависимости Казачества от тех или иных условий русской социальной, общественной и государственной жизни. Таким образом, самостоятельно поставленный казачий вопрос, исключенный из случайного фона общей русской жизни, с ее разнообразными правами и особенностями различных сословий и групп населения, — повторяем, только так именно поставленный самодовлеющий казачий вопрос был бы очищен от ненужного, случайного, постороннего загрязнения чуждыми ему в данном случае понятиями и сам в себе раскрыл бы всю свою полную сущность. Тогда и невозможно было бы подменить понятие казачьего народа русским сословием, а его исконные исторические права „привилегиями“.

Широко воспринятый и освещенный таким образом весь казачий вопрос в целом облегчил бы восприятие и понимание и всех действительных прав казачьих народов. А это в данном случае очень важно потому, что, в свою очередь, с наибольшей верностью и полнотой осветило и представило бы всю вековую казачью освободительную борьбу и особенно борьбу его в последнюю революцию. И тогда всяким Деникиным, Сулягицким и прочим их единомышленникам не казалось бы, что казаки во время революции боролись не за свои в широком объеме народные исторические права, которые они хотели бы утвердить в своей государственности, а лишь за свои узкие эгоистические сословные интересы и „привилегии“. Тогда бы и освободительное движение Казачества было бы для них, как

и для всех честно мыслящих, таким же понятным, как и освободительные движения других народов.

Но это, еще раз подчеркиваем, возможно было бы лишь при честном исключении всякой умышленно предвзятой политической тенденции. К сожалению, некоторые наши противники подняться выше такой тенденции не могут. Они в своих нападках на Казачество совершенно ясно и открыто обнаруживают свои симпатии к иногородним, якобы несправедливо „обиженным“ казаками, и лишь под углом зрения этих „обиженных“ иногородних да под совпадающим углом собственной политики характеризуют и оценивают ход освободительной борьбы на Казачьих Землях.

Понятно при этом, что всем недругам Казачества приходится всегда по необходимости нажимать и подчеркивать именно „привилегии“, вытекающие якобы из особенного сословного положения Казачества. Искусственный нажим на сословные интересы и привилегии как раз здесь и нужен, чтобы легче было по своему истолковать разницу социального, имущественного и общественного положения казаков и иногородних и лишить всякого оправдания стремления и действия казаков в их борьбе. В этом случае именно по „привилегиям“ и по „казачьему железу“ нужен был удар со стороны противников Казачества.

Понятие „привилегий“ в отношении Казачества введено было искусственно и им (понятием привилегий) искусственно же было подменено понятие народного казачьего права. В причинах собственно казачьего движения, в казачьей борьбе и их столкновениях да недоразумениях с иногородними надо было искать подложных стимулов в виде „привилегий“ для того, чтобы ослабить моральное значение казачьих стремлений и борьбы, ибо всякая привилегия обладает всегда меньшей моральной силой, чем право. Именно из этих вот морально малоустойчивых основ, из дутых „привилегий“ надо было вывести все собственно казачье движение, чтобы унижить его и доказать его несостоятельность.

Противники Казачества вводят в действие вымышленные ими казачьи „привилегии“ как тяжелую артиллерию с одной ясно обнаруживаемой целью извратить под своим политическим углом зрения все самостийное казачье освободительное движение и отсюда вывести свои тенденциозные отрицательные заключения о моральной неценности и неоправданности этого движения.

Г-н Сулятицкий в этом смысле посвятил как раз большую часть своего труда „Нарис з історії революції на Кубані“, в котором очень обширно, хотя и по обывательски примитивно занимается описанием, характеристикой и оценкой положения казаков и иногородних на Кубани да их ненормальными для дела освобождения взаимоотношениями, вытекающими, якобы, главным образом, из наличия пресловутых казачьих

„привилегий“, как чего то, по сути, не вполне оправданного, не вполне законного, не совсем морального, полученного, якобы, казаками — так себе — с чужой руки, в дар от царей в качестве „слуг“ их...

Цель Сулятицкого для нас, казаков, так же очевидна и понятна, как и все цели Деникина и прочих единомудрецов. Цель все та же: искусственным выводом казачьих стремлений, казачьей освободительной идеологии и борьбы из... „царских подачек“, даров, наделов, „вознаграждений за службу“ и вообще из всех морально малоценных в данном случае „привилегий“ — обесценить, обессилить и унижить все освободительное казачье движение...

Но... „тонко“ рассчитанный политический удар по „казачьему железу“, в действительности оказывается совершенно неверным и лишенным силы. Ибо „казачье железо“ ковалось и куется все не из казачьих привилегий, а из исконных исторических прав казачьих. Ибо Казачество не получало никогда и ни от кого никаких „привилегий“, а всегда обладало и обладает своими собственными правами. То, что многие умышленно или по непониманию считают казачьими „сословными интересами“ и „привилегиями“, есть по существу казачьи народные, национальными интересами и историческими правами. Ибо все те права, которыми казаки обладали до революции, были лишь еще сохранившимися обломками тех великих прав, которые когда то на протяжении исторических веков, они добыли и утвердили мечом, кровью и трудом многих поколений и которые насильственно и незаконно урезывали и отнимали у казаков русские цари. Не раздавали казакам цари привилегии, а наоборот, отнимали казачьи права.

А во время революции казаки вновь вынуждены были на своей собственной земле отстаивать свои права против всех тех новых сил, которые на эти права посягали и которые уничтожением этих народных прав грозили.

„Казачьи привилегии“ служат не только противникам самостийного казачьего движения для „обоснования“ их антиказачьей „философии“. За „привилегии“ ненавидел казаков и русский мужик, сам не имевший никаких прав. Но если это можно еще объяснить в исторической перспективе, то совершенно непонятно другое — непонятно, как это и сейчас еще встречаются казаки, которые мечтают о „возвращении“ Казачеству „привилегий“ в будущем через новую монархию в России. Остается только допустить, что те казаки тоже или не разбираются в том, что такое привилегии и что такое права, или действительно не знают своей казачьей истории и живут чужим умом во всем, что касается не только прошлого, но настоящего и будущего Казачества.

Это все побуждает нас поставить дальше более подробно вопрос о казачьих правах.

Чужинец.

Пропаганда вольноказачьих идей в эпоху Крымской войны.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

Организатор Оттоманского казачества Мих. Чайковский был не только политическим деятелем и военачальником, но и писателем. Вполне естественно, что в эпоху Крымской войны, он и его ближайшие сотрудники развили усиленную литературную деятельность и пропагандировали идею вольного казачества и единения казаков с Польшей для борьбы против России. Кое-что из произведений этой эпохи было собрано Чайковским и напечатано по польски в сборнике „Козачизна в Турції (Париж, 1857) уже после войны.

Очень хвалил в этом сборнике Чайковский песни, сочиненные оттоманским казаком, поляком, уроженцем Бердичева, Томашем Рачицем. Чайковский с умлением рассказывал, как Рачиц, служа в Нижегородском дра-

гунском полку на Кавказе, сумел уничтожить пороховой запас русского артиллерийского парка, в результате чего 200 русских солдат погибло. По мнению Чайковского, Рачиц, находясь в полку оттоманских казаков и импровизируя по русски и по польски казачьи песни, проявлял себя „истинным сыном той части Украины, которая дала казаков: Карла Ружицкого и поэта Падурку, сыном земли козацко-польского життя“. Приведем отрывки из этих „песенок казачьих“:

„В піддесят четвертим году
Ми ходили під Рускуй орду;
Пан Чайковский Генерал
Ночи не спал, не дремал,
Ночи не спав, не дремав,

Всім прикази віддавав:
 Ви храбри удалці,
 Ви козаки молодці,
 Соколи України,
 Ви всі діти мої...
 Ви командіри в сотнях,
 Будте сьмили на ділах;
 Стройте сотні, стройте в рад
 Будем з Рускім войоват!..
 „Пан Чайковский дмхнув на перед,
 А повковник Кіркор в очеред.
 Началася перестрелка
 З Москалем пішла разделке...
 Розхрабрився наш герой;
 Рускій бросив лагерь свой,
 Бросилися мы їм в нос,
 Разбіжались рускі в скрос...“

Во второй песне рассказывалось, как „Москаль розхрабрився, вздумав з нами воювать, он накликав бездну войска, пропасть неучи набрав...“ Автор восклицал:

„Ти накликавай що хочешь,
 Навосрти свой ржавый меч,
 нам не страши пули, ядра,
 І московская картеч.
 Гранім грудью на нежежу,
 Биться хочеться — пора!
 Ми докажем честь и храбрость,
 З нами Бог, Султан гурал!..
 Омер-паша путь покажет,
 Садык-паша поведет,
 Там вражих слідів не станет,
 Гдє козацькій полк пройдет.
 Слава и честь нашим Козакам
 З командіром Молодцом,
 Мы докажем супостатам
 Грудью, пулей і копїєм...“

В этих песнях естественно видеть восклицание, что с казаками — Бог и Султан, но язык их показывает большее влияние на автора русской солдатской песни, нежели знание им украинского языка.

По уверению Чайковского, во время Крымской войны на Украине возродились „думки“ с новыми словами. Вот текст „думки“ под названием „Пан Чайковский аттаман“:

„Гей ну-те! хлопці, з хати —
 Вернигори честь віддати
 Наша зборня-Гончариха,
 Буде добро після лиха.
 В руки, в зуби що хто має,
 Нех железце витягає,
 А, як чого забракує,
 То нас Француз поратувє.
 Ляхів к собі прикликай,
 Кто не зхоче єсть нагай;
 Кто не з нами, против нас,
 Повісьми його в сій час!
 Помиримся із Ляшками,
 Поклонимся шапочками.
 Йїдна думка, йїдна справа;
 Столицею будь Варшава!

Не надо быть очень хитрым, чтобы догадаться, что „думка“ эта складывалась не на Украине, а в Константинополе, где знали, что аммуниция и обмундирование полка Османских казаков были даны „Французом“. И вряд ли на Украине был популярен лозунг — „столицею будь Варшава“!.. Автор думки“ кончал обращением к Михаилу Чайковскому (родом из Галчинцев):

„Ти, Михалу Галчинецький,
 Швидче знимеш свій тюрбан,
 Ты тепер Баша турецький
 А наш ридній Аттаман...“

Другая „украинка“ описывала прощание казака с Украиной:

„Прощай мила Україно,
 Прощай вся моя родино,
 Бо вже прийшов такий час
 Покидати треба вас.

Пійди, хлопче, виглянь з хати,
 Кажи коні посідлати,
 Тільки швидко, не дримай,
 Подай шаблю і нагай.
 В чистом полі будем грати,
 І кров нашу проливати;
 Не жаль згинуть в Божий час,
 За свободу и за вас...
 Не першина и не страх,
 Колись братом був нам Лях,
 Ще и тепер разом з ним
 Ждем що скаже ридній Крим...“

Стихи эти, без подписи принадлежали перу Т. Падурь. „Ридний Крим“ — это была союзная армия, осаждавшая Севастополь. И здесь проводится мысль о братстве польского и украинского народов. Не менее характерно стихотворение того же автора под названием „Наміреніє“:

„Покі в степах України
 Гуде вітер в бурьянах,
 А козацькіє дівчини
 Дзвонять піснь о Гетманах;
 Покі очми ридні брати
 Чують як їх серце бє,
 І як наувчала мати,
 Каждый ридній Польши жде;
 Покі в дворі на дожинкі
 Бряччуть чарками отці,
 А молодці, дівки й жінки
 Вьють присіди й голубці;
 Покі українські діти
 Гонить Москаль в рекрути
 І двадцять пять літ служити
 Кажє за глад тай кнути;
 Поти будем проклинати
 Москалів із їх Царом,
 Будем польских братів звати
 Прийти з польским королєм...“

И это стихотворение, конечно не было распевалом на Украине. Его мечтал лишь Чайковский принести с собой на Украину. Здесь, наконец, говорилось и о князе Адаме Чарторийском („польском короле“), который должен был прийти с поляками для освобождения Украины от русских и подчинения их Польше.

Мы не будем приводить здесь разных повестей Чайковского этой эпохи, написанных им из жизни разных славянских народов,* — по его мысли, новое казачество должно было послужить цементом, связывающим все славянские народы, но нельзя не сказать подробнее о повести „Странствующий казак“, посвященной идее общеказачьего единства.

Эта повесть начинается с описания детства брата и сестры Свидзинских, внуков польско-украинского шляхтича Онурфия Свидзинского, в Тренбове, в Червонной Руси. Оба они воспитываются дедом на идеях вольного казачества, единого от Карпат и до Яика. Дед хочет пустить внучат „в свет далекий, в свет широкий, в свет казачий“... Умирая, он говорит им: „Яне, Наталья! Бог призывает меня в Кош наших славных Атаманов... Соколята вы мои, золотые атаманские птенцы, летите в свет и гласите: мы с Карпатов, там всюду люд Казачий, и сердцем, и душою, и делом Казачий...“

„Ты, соколица моя, иди по нашим родимым казачьим краям, и каждому возвести ту истину: пусть братья познают братьев...“

„Ты, мой сокол, иди по чужим краям, куда разлетало казаков, и говори им, пусть бодрствуют, как подбаивает казачьим вождям. Скажи им, что от них полетишь в родимые казачьи края поведать, чтобы там их ждали и были готовы...“

Дед разломал пополам деревянный крест Петра Коношевича-Сагайдачного, и половинки его отдал, благословивши, брату и сестре:

„Идите и творите во имя Божє — для Казачества!..
 Затем испустил дух.

*) „Дед-Байрактар“, „Марта Момица“, Кокон Иванка, карнабачкая повесть“, „Мансур-оглу, повесть балканская“ и др.

Следы внуков отыскивались в разных краях. За старым Киевом, на левом берегу Днепра, в сосновом бору, в пуше Перятинской, появилась в заброшенном монастыре черница, к которой идут отовсюду странники. Они идут внимать словам юной черницы и всюду разносят весть: «Святая, божья святая проповедует в пуше казачье евангелие»...

В это же самое время, будто-бы, Николай I издает указ об «истреблении староверцев», а начальство по всей России ищет «православных ножей и рук» для исполнения царского указа. Народ отвечает на подстрекательства к погрому: «это казаки»!.. Киевский полицмейстер докладывает генерал-губернатору Бибикову о невозможности арестовать черницу: «Это — святая»! Бибиков кричит ему: «В солдаты без выслуги! Пошел вон»! (!!)

Посланные генерал-губернатором «эскадры жандармов», испытывают очарование пуши, через которую ходили походом когда то казаки былых лет, и приводят к Бибикову черницу, не как пленницу, а как королеву. Подобная Богоматери Рафаэля, входит черница в генерал-губернаторский дворец, и «дикий москаль» — сам Бибиков — падает ниц перед черницей: «Святая, святая, святая!»

Молодой казак поехал на Запад. «Видел ляхов, видел казаков. Ляхи и казаки-эмигранты бросили в угол свое оружие, наследие прадедов, пусть ржавеет... В наше время оно ни к чему. Только и слышны слова: равенство, эмансипация, самодержавие, клевета, разум; Боже нас избави! Служат французам, англичанам, немцам, и Бог еще знает кому».

«Горько заплакал казак-юноша, видя во что превратились потомки народа Пястов и Ягеллонов, праправнуки рыцарей Украины и Запорожья! Обратился на Восток».

«Иначе, совсем иначе идет жизнь в краях Цареградского Царства, в землях Великого Султана... Здесь еще живут ляхи, живут казаки польского, казачьего жизнью. Там в тахах сабли, пики и ружья... в стойлах оседланные кони... И ляхи, и казаки поглядывают в сторону Черного Моря, не летит-ли оттуда гонец на борзом коне? Не срывает-ли крылом своим Запорожская Чайка пену с расхोлившихся волн? «О, здесь все стало казачьим в этой султанской земле, в этом безустанном дозоре. Всею душою в зрении, в слухе, сердцем, мыслями, вожделением — здесь все — в степях, на курганах, над Доном, над Днепром, в направлении старого Киева!»

«Усмехнулся странник-казак, возрадовалась его душа. Здесь все, как заповедал дед: казачий слух, казачий дух. Бог вам в помощь».

«Запорожская Чайка» — в рассказе — это, конечно, поэтический лик самого Чайковского. Историк, знающий состав эмиграции 1830—1840-х г.г. в Западной Европе, должен спросить себя с изумлением, какие такие «правнуки Украины и Запорожья» были в то время

на Западе? Да еще в значительном числе! Все станет понятно, если вспомнить, что это — произведение, составленное в целях пропаганды, а сам автор его был буйный романтик, принимавший чаемое и ожидаемое за сущее и настоящее.

Следующая глава изображала Новочеркасск в момент сбора казачьих полков в поход. Кишит народ, но все — в оружии, все на конях, полки за полками... Идут они на Прут и на синий Дунай, выглядеть кратчайший путь к Цареграду, привести в царское подданство султанских вассалов-румын. На Тиссу и на Марш — за венгерскими винами, освободить австрийского императора от натиска мадьяр и посадить его на троне Габсбургов в Вене. На Вислу — во имя царское навести порядок в польской земле и погрозить Бранденбургу: если он с немцами выбился из под вассальной зависимости от Ягеллонов, то может попасть в вассалы и в подданные к Романовым, пусть только озовется иначе, как: «слушаю-сь царского указу»... На Балтийское море, чтобы немцев подбодрить к верности, к ласковости, показавши им казачью нагайку; это тоже своего рода доказательство, недаром-же первенец царский — атаман всех казачьих войск. Чтобы, показавши казачьи полки, вбить Шведам в голову, что дням Нарвы уже не бывать, а дни Полтавы могут и повториться... в Стокгольме! В Петербург и в Москву — на службу царскую. В Архангельский край — показать лапландцам и самоедам, что и на оленях не уйти им от погони казачьих коней. В Петропавловскую гавань на Камчатке, чтобы вольный американец узнал вольного донца; один для Царя, точно мясник, подгоняет белых невольников; другой черными торгует, совсем подобно царю; пусть их познакомятся и побратаются. К Китайской стене, в Кяхту, на р. Амур, чтобы эти земельные просторы Чингис-ханов и Тамерланов потаврить тавром казачьим, копытом конским, в вотчину Царям Белым. На окраину оренбургских степей, на острова и на пески за-Балкайские и за-Аральские, чтобы оттуда броситься вперед на ханства хивинское и бухарское, завладеть ими, как Крымом, как Ногаями, для Царя. Достигнуть Афганистана и там остановиться, пока не придет указ царский: «вперед!»... За Терек, в Алазанскую долину, под Дагестан, за Лабу, за Кубань, на Черное Море; чтобы чеченцев, лезгин и черкесов перехватать, перевязать и доставить в Петербург, на показ и забаву царским гостям — немецким князьям и княгиням. За Рион, на аджарские, на курдские окраины, чтобы и там себя показать и побывать в гостях во имя Белого Царя. На Аракс и на Каспий, чтобы... сбросить персидского шаха, как некогда грузинских царей, с престола... А затем... затем с бурной силой обрушиться на Индию, на Индию! И на месте английского Леопарда воздвигнуть Всероссийского Двуглавого Орла»...

(Окончание следует).

А. Ленингов.

Боевое напряжение сил Казачества в эпоху Мировой войны.

(Исторический очерк).

Посвящаю памяти незабвенного отца — в десятую годовщину со дня смерти.

Отменные боевые качества казаков, истари известные всему миру, характерным образом проявились в эпоху мировой войны 1914—1918 г. г. в боях под Красником, Красноводом, Томашовом, Кубанцы под городком, Бучачем, Рудка Червице, Ханыкином, Терцы у пос. Савина, Оренбуржцы у дер. Волчковце, Уральцы в Пинских болотах — новые страницы в истории казачьей славы и доблести. Говоря о подвигах казачьей конницы, среди коих особняком стоит конный рейд сотни казаков 1-го Уманского полка под командой есаула Гамалия, нельзя замалчивать о героических делах казачьих пластун... Сары-Камыш, Трапезунд, Эрзерум, Сан! Много

славных подвигов содеяно казаками на полях сражений Мировой войны, но... также много пролито и казачьей крови!!! Памятник славы должен-быть воздвигнут казакам-героям, павшим в боях в эпоху Мировой войны.

Всеобщее признание боевых заслуг за казаками в указанную войну — имеет место в действительности, однако роль, значение, а равно и все моменты участия казаков в Мировой войне, весьма мало подверглись изучению. В сознании необходимости выполнения долга перед родным и горячо любимым Казачеством, мы с полным напряжением сил ведем исследовательскую работу в указанном отношении, стремясь всесторонне изучить боевую деятельность казаков в войну 1914—1918 г. г., обращая непосредственное внимание на разработку специальных моментов. К числу последних при-

числяем — исследование боевого напряжения сил, кровавых потерь, военной психологии и т. д.

Ставя в настоящей работе на рассмотрение — вопрос об изучении боевого напряжения сил Казачества в Мировую войну, почитаем за необходимость попутно разобрать вопрос о состоянии казачьей вооруженной силы в ближайший период времени перед 1914 г. Сие обстоятельство обуславливает определенный обзор условий и моментов, в сочетании коих Казачество было в состоянии выставить на фронт около 430.000 вооруженных бойцов высокой квалификации, причем последние отнюдь не выявили собой т. н. вооруженный народ, но представили отличный пример несравненных индивидуально развитых воинов...

17 апреля 1875 года возымел силу вновь введенный устав о воинской повинности Донского войска, впоследствии распространенный и на остальные казачьи войска. По узаконению 1875 года, все казаки подлежали воинской повинности (за исключением священно-служителей христианского вероисповедания), без права замены и добровольного денежного выкупа. Положение, предусматривая службу казака с своим снаряжением и лошадей, определило срок службы в 20 лет, именно — 3 года подготовительных (от 18 до 21 года), 4 года пребывания в строевых частях — 1-ая очередь (от 21 года до 25 лет), 4 года на льготе — 2-я очередь (от 25 лет до 29 лет), 4 года на льготе — 3-ья очередь (от 29 лет до 33 лет), 5 лет в запасе (от 33 лет до 38 лет) и наконец войсковое ополчение...

Казаки, находясь в подготовительном разряде, готовились к выходу в первоочередные полки и батареи, проходя курс строевой подготовки под руководством инструкторов. Выходя на действительную службу в первоочередные полки, казаки обязаны были иметь собственное обмундирование, снаряжение и лошадей. По окончании 4-летней службы в строю (1-ая очередь), казак уходил на льготу (пребывание в станице при условии полной готовности к боевому походу) и зачислялся в полки 2-ой очереди, при сроке службы в продолжении 4 лет.

Казак, числясь, в полках 2-й очереди, обязан был содержать в исправном виде: обмундирование, снаряжение, вооружение и строевого коня, а равно не имел права отлучиться за пределы своего войска, без особого разрешения. Служба казака в полках 3-ей очереди отличалась от предыдущей тем, что казак мог продавать своего строевого коня, будучи обязан в случае необходимости приобрести такового (коня) на собственный счет.

Остановившая внимание на военной подготовке казаков перед Мировой войной, отмечаем, компетентное мнение ген. Нисселя *) (главнокомандующий французской армией после маршала Жоффра), который буквально пишет следующее: "Полки первой очереди не могут дать ничего более лучшего, как в смысле духа, так и в отношении военного обучения. Полки второй очереди значительно лучше резервистов какой угодно из европейских армий, взятых под знамена в период мобилизации, ибо минимум $\frac{2}{3}$ казаков отбыли службу в строю $3\frac{1}{2}$ года, не считая допризывной подготовки. В смысле дисциплины и совершенства владения оружием, казаки ни в чем не уступят европейской коннице".

К 1-му января 1912 года численность казачьего населения 12-ти Казачьих войск достигла цифры 4.053.694 души обоого пола, при служилом составе 444.967 человек. Считается, что наибольшим напряжением в смысле организации военной силы, является 10% набор из состава всего населения государства. Так, к началу XX века значилось на Дону в служилом составе до 132.000 человек, т. е. около 13% войскового населения Донской области. Если прибавить, что казаки обязаны были постоянно иметь собственное обмундирование и снаряжение и (более половины) собственных лошадей, то можно сказать, что воинская повинность для Казачества была более, чем в 13 раз тяжелее, чем для остального населения Империи. И вплоть до 1917 года, казачья масса осталась закрепощенной государству, прикованной

к своему „сословию“ и к своей тяжелой службе". (Проф. Сватиков „Россия и Дон“, Века. 1924 г.).

В мирное время Казачество, имея весьма значительное число конных полков, дивизионов, сотен, пластунских батальонов, местных команд и батарей, составляло собой превосходную вооруженную силу в 336 конных сотен, 6 пластунских батальонов, 31 местную команду и 20 батарей, т. е. 56.100 шашек и штыков при 120 орудиях. Личный состав казачьих военных формирований состоял 1.6% войскового населения (мужчины и женщины) Казачьих Земель, или же 3.2% казачьего мужского населения, или же 14.6% всего служилого состава (казаки 1, 2, 3 очередей, запаса и войскового ополчения).

Дислокация строевых соединений Казачьих войск, применительно к штатам мирного времени — определяется следующими данными:

1. Донское войско: 2 гвард. полка (л. гв. Казачий и л. гв. Атаманский п. п. — 1 гвард. кав. див.), 17 армейских п. п. (1 Донской п. — 1 кав. див., 2 Донской п. — 2 кав. див., 3 Донской п. — 3 кав. див., 4 Донской п. — 4 кав. див., 5 Донской п. — 5 кав. див., 6 Донской п. — 6 кав. див., 7 Донской п. — отдельный п., 8 Донской п. — 8 кав. див., 11 Донской п. — 7 кав. див., 12 Донской п. — 11 кав. див., 14 Донской п. — 14 кав. див., 9, 10, 13, 15 Донские п. п. — 1 Донская каз. див., 16 и 17 Донские п. п. — 2 сводно каз. див., 6 отдельных сотен (1, 2, 3, 4, 5, 6), 8 батарей (1 арт. див. — 1 Донская каз. див., 2 арт. див. — 12 кав. див., 3 арт. див. — 10 каз. див.).

2. Кубанское войско: 2 гвард. сотни, 11 армейских полков (1 Линейный — 2 сводная каз. див., 1 Кубанский, 1 Уманский, 1 Хоперский п. п. — 1 Кавказская каз. див., 1 Черноморский, 1 Полтавский, 1 Лабинский, 1 Запорожский п. п. — 2 Кавказская каз. див., 1 Екатеринодарский п. — 3 Кавказская каз. див., 1 Таманский и 1 Кавказский п. п. — Закаспийская каз. бр.), Кубанская отд. див., конвойная сотня (наместника на Кавказе). 6 пласт. батальонов (1, 2, 3, 4, 5, 6), 5 батарей (1, 2, 3, Кавказские каз. арт. дивизионы).

3. Терское войско: 2 гвард. сотни, 4 армейских полка (Волгский п. — 2 сводная каз. див., 1 Сунженский-Владикавказский п. — Кавказская каз. див., 1 Горско-Моздокский п. — 1 Кавказская каз. див., 1 Кизляр-Гребенской п. — 3 Кавказская каз. див.), 3 батареи 1, 2, 3, Кавказские арт. каз. дивизионы).

4. Оренбургское войско: 6 армейских полков (1 Оренбургский п. — 10 каз. див., 2 Оренбургский п. — 13 кав. див., 3 Уфимско-Самарский п. — 12 каз. див., 4 Исетско-Ставропольский п., 5 Оренбургский п., 6 Оренбургский п. — 1 Туркестанская каз. див.), Оренбургский отдельный див., 2 батареи.

5. Уральское войско: 3 армейских полка (1 Уральский п. — 9 кав. див., 2 Уральский п. 1 Туркестанская каз. див., 3 Уральский п. — 15 каз. див.).

6. Астраханское войско: 1 армейский полк (1 Астраханский п. — отдельный полк).

7. Сибирское войско: 3 армейских полка (1 Сибирский и 2 Сибирский п. п. — Сибирская каз. бриг., 3 Сибирский п. — отдельный полк), 2 отдельных сотни (1, 2).

8. Семиреченское войско: 1 армейский полк (1 Семиреченский п. — 1 Туркестанская каз. див.).

9. Забайкальское войско: 4 армейских полка (1 Верхне-Уральский п. 1 Гитинский п., Аргунский п. — Забайкальская каз. бриг., 1 Нерчинский п. — Уссурийская кон. бриг.), 2 батареи.

10. Амурское войско: 1 отдельный п. (1 Амурский п. — отдельный полк).

11. Уссурийское войско: 1 дивизион (Уссурийский див. — Уссурийская кон. бриг.).

12. Казаки Енисейской губ.: 1 сотня (Красноярская каз. сотня).

13. Казаки Иркутской губ.: 1 сотня (Иркутская каз. сотня).

14. Л. гв. Сводно-Казачий полк: (1 гв. каз. див.) — из казаков Оренбургского, Уральского, Астраханского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского войск.

*) Capitaine d'état major Niessel. „Les cosaques. Etude historique, géographique, économique et militaire“ Paris.

В конечном итоге, говоря о казачьей вооруженной силе в мирное время, отмечаем, что казачья конница составляла 46% всей русской кавалерии, равнявшейся 24 дивизиям, 8 отдельным бригадам, 6 отдельным полкам, 4 отдельным дивизионам и 11 отдельным сотням. Всего по штатам мирного времени казаки выставляли: 3 гвард. полка, 53 армейских полка, 4 отдельных дивизиона и 11 отдельных сотен, между тем, как состав русской регулярной кавалерии определялся в 10 гвардейских, 22 драгунских, 17 уланских и 18 гусарских полков.

С началом Мировой войны казачья вооруженная сила развернулась согласно распорядку мобилизационного плана. Из полков 2-й очереди были сформированы второочередные (т. н. льготные) казачьи дивизии, которые и приняли непосредственное участие в боевых действиях в самом начале войны. Сверх того из остальных казаков 2-й и 3-й очередей формировались конные полки, предназначавшиеся на роль корпусной конницы, а равно и отдельные конные сотни. Последние были придаваемы к пехотным дивизиям для производства разведки, и обслуживания района военных действий (поддержание связи, конвоирование пленных и т. д.). К 15-ому декабря 1914 года численность казачьей вооруженной силы возрасла до 225.600 шашек и штыков, число коих составилось из 986 конных сотен, 20 батальонов и 44 батарей.

Рассматривая пропорциональное увеличение количества казачьих строевых формирований и численности вооруженных бойцов-казаков, находим относительную разницу уже в первые четыре месяца войны. Сравнительно точно устанавливается боевое напряжение сил по отдельным казачьим войскам к 15-ому декабря 1914 года, именно, что по мобилизации было выставлено на театр военных действий, сверх уже имевшихся штатов мирного времени — 1) Донским войском — 258 конных сотен, 15 батарей, 2) Кубанским войском — 142 конных сотни, 14 пластунских батальонов, 1 батарея, 3) Терским войском — 44 конные сотни, 4) Оренбургским войском — 75 конных сотен, 5 батарей, 5) Уральским войском — 34 конные сотни, 6) Астраханским войском — 7¼ конных сотен, 7) Сибирским войском — 37½ конных сотен, 8) Семиреченским войском — 7¼ конных сотен, 9) Забайкальским войском — 42½ конных сотни, 3 батареи, 10) Амурским войском — 6¼ конных сотен, 11) Уссурийским войском — 4¼ конных сотни, 12) Казаки Енисейской губернии — 2 конных сотни, 13) Казаки Иркутской губ. — 2 конных сотни. Конкретно устанавливается, что в эпоху Мировой войны полки казачьей конницы утроились разворачиванием запасных формирований из казаков 2-й и 3-й очередей, между тем, как число полков русской регулярной кавалерии, осталось без изменения.

Из вышеприведенных данных явствует, что к 1-ому января 1912 года численность казачьего населения Казачьих войск выражалась в цифре 4.053.694 душ (служилый состав 444.967 казаков). За два с половиной года не могло быть особенного прироста населения и потому беря произвольную цифру в 4.500.000 душ обо-его пола (численность казачьего населения в момент начала Мировой войны, устанавливаем процентное напряжение вооруженной силы Казачества к 15-ому декабря 1914 года. Математический расчет показывает, что в служилом составе числилось около 450.000 казаков, кои и составляли собой 10% войскового населения. Сообразно последнему, отношение количества вооруженных бойцов-казаков (225.500 человек) к численности служилого состава, выражается нормой в 50%, или к численности всего войскового населения в 5%.

В дальнейшем развитии военных действий, Казачество было вынуждено чрезмерно увеличить боевое напряжение, именно, выставив на фронт строевые формирования сверх предусмотренного комплекта. Так, Донское войско сформировало Донскую отдельную конную бригаду (56, 57, 58 Донские конные п. п.), Кубанское войско выделило т. н. 3-ю Сводную Кубанскую каз. див. в состав коей вошли вновь восстановленные полки: Ейский, Екатеринославский, Алачумо-Азовский и Ставропольский. Сверх того необходимо отметить не-

померное число особых и отдельных конных сотен, доведших численность до 171 сотни к осени 1917 года.

В мирное время, лишь Донское, Сибирское войска, а также и казаки Енисейской и Иркутской губерний имели отдельные конные сотни: в период же Мировой войны подобные строевые формирования были заведены и в осгальных Казачьих войсках; так Кубанское войско выставило на театр военных действий 36 отдельных конных сотен. Не лишним будет отметить, что сформированный в конце 1914 года 53 Донской каз. п. первоначально был предназначен для отправки в Англию по приглашению англичан и лишь стечение неблагоприятных обстоятельств изменило оный план.

Касаясь вопроса о казачьей артиллерии, необходимо знать о том, что с началом Мировой войны лишь Донское, Кубанское, Терское, Оренбургское и Забайкальское войска — имели свои батареи. К январю 1915 года, первоначальное число казачьих батарей (20) значительно изменилось и достигло цифры 44 батарей, немного превыдая оное число к концу войны. В последнем отношении отмечаем, что такие малые казачьи войска, как Астраханское и Амурское — имели в 1917 г. свои батареи. Параллельно отмечаем, что Донское войско имело в период Мировой войны два запасных артиллерийских дивизиона.

Небывалым явлением в новейшей военной истории Казачества является непомерное развитие казачьих пластунских формирований. Так к 1 сентября 1917 года был сформирован Кубанский пластунский корпус (командир — ген. шт. ген.-лейт. И. Е. Гулыга), в состав коего вошли — 1 Кубанская пластунская див. (1 бриг. — 1, 2, 3, 4, 5, 6 батальоны и 3-я бриг. — 13, 14, 15, 16, 17, 18 батальоны), 2 Кубанская пласт. див. (2 бриг. — 7, 8, 9, 10, 11, 12 батальоны и 4 бриг. — 19, 20, 21, 22, батальоны, а равно и 1 и 2 Терские пласт. батальоны). Далее на Кавказском фронте действовала сформированная в 1915 году — Донская отд. пласт. бриг. (1, 2, 3, 4, 5, 6 батальоны), которая 4 февраля 1916 года взяла штурмом форт Тарту, после чего впереди остальных войск ворвалась в крепость Эрзерум. Конечная численность казачьих пластунских формирований определяется в 30 батальонов, причем личный состав многих из них переменялся в период Мировой войны по 15 раз.

„Мы не сообщим никакой новости, устанавливая, что русская кавалерия обладает изумительным внешним видом и выправкой: мы видели... казачьи сотни Донцов, Кубанцев и Астраханцев, Кавказские сотни. Казаки кажутся отлично обученными, лошади послушны, горячи и содержатся превосходно“, сообщает полковник французской армии Мело,* состоявший в военной миссии ген. По, посетившей русский фронт в 1915 году.

И действительно, превосходное качество казачьей конницы нисколько не изменилось с увеличением боевого напряжения сил Казачества!

К моменту окончания Мировой войны на русском фронте, точнее сказано будет — с развалом последнего, Казачество имело на театре военных действий всего 166 конных полков, 171 особые и отдельные сотни, 30 пластунских батальонов.

Крупным дефектом является то обстоятельство, что полки, батальоны, сотни, батареи, выставленные казаками на фронты Мировой войны, далеко не исчисляют наличный состав казачьей вооруженной силы в период 1914-1918 гг., ибо помимо указанных войсковых соединений, имелся ряд других формирований, обычно не принимаемых в расчет. Это положение распространяется на местные команды (от полусотенного до трехсотенного состава), команды специального назначения (военно-рыболовная команда по охране гирла р. Дона, охранные команды на золотых приисках р. Лены, конвойные (арестанские) команды на Сибирском тракте и т. д.

Казачество, имея в мирное время 56.000 шашек и штыков, имело на фронте к концу мировой войны — свыше 310.000 штыков и шашек.

*) Henry Mélot, lieutenant-colonel d'artillerie breveté en retraite. La mission du general Pau aux Balkans et en Russie tsariste. Payot. Paris. 1931 г.

С увеличением боевой напряженности казачьей вооруженной силы, уменьшалась ли квалификация боевых качеств, столь присущих казакам! Должный ответ дает противник — майор фон-Кохенгаузен, офицер германского генерального штаба, повествуя — „Частью в соединении с кавалерийскими дивизиями, частью в качестве самостоятельных дивизий, частью в виде дивизионной конницы, были казаки в Польше, Галиции и на Кавказе душой разведки, связи и охранения. Они были зорким оком, а там, куда не достигал телефон, и всегда безотказными передатчиками распоряжений по Русской армии. Умело приспособлялись к новой боевой обстановке; казаки лишь редко обращались к применению своей традиционной формы атаки „лавою“, но тем больше проявляли они свою находчивость в условиях современного огневого боя. Доблестно переносили казачьи части тяжчайшие потери в кровавых боях осени 1914 года, мужественно держались на занесенных глубокими снегами Карпатах и на диких высотах вокруг Эрзерума зимою 1914-15 гг. Частью удерживали казачьи дивизии колебавшийся летом 1915 г. русский фронт. В наступившей затем позиционной войне охотно брались они и за лопату, хотя подобная форма борьбы была им по существу чужда.“*)

С развалом русской армии в 1917 году, боевая напряженность казачьей вооруженной силы отнюдь не понизилась, а наоборот возросла... Именно в этот период времени был поставлен на разрешение вопрос о

*) Major von Cochenhausen. „Казачество и его историческое значение для России. „Wissen und Wehr. № 6. November 1922 Berlin.

создании особой казачьей армии под командованием ген. Каледина. По разного рода обстоятельствам, ему начинанию не суждено было претвориться в жизнь.

Пополнение полевых казачьих частей, сражавшихся на фронте, производилось за счет запасных формирований, развернувшихся с началом мобилизации на территории Казачьих Земель. В каждом войске имелось определенное число запасных конных сотен по числу полковых округов; аналогичное положение распространялось и на пластунические батальоны и артиллерийские батареи. Касаясь вопроса о восполнении потерь в конном составе, отмечаем, что каждый казак получал 150 рублей (подъемных) за павшую лошадь, каковая сумма была чрезвычайно ничтожной, принимая во внимание среднюю стоимость строевой лошади в военное время в размере 300 рублей.

Вопрос о восполнении живой военной силы хуже всего обстоял в Кубанском войске, которое уже в 1916 году оказалось не в состоянии восполнять боевые потери — путем отправки новых маршевых сотен на фронт. В наиболее лучшем состоянии обстояло дело с пополнением на Дону, где к 1 апреля 1917 года имелись вполне обученные кадры конницы, пластунов и артиллерии в количестве 10.000 молодых казаков.

Учитывая кровавые потери, понесенные Казачеством в эпоху мировой войны, исследованию коих мы посвящаем отдельный очерк, полагаем считать общее количество казачьей вооруженной силы, сражавшейся в период 1914-1918 гг. на германском, австрийском, румынском и турецком фронтах — в 430.000 казаков, при населении Казачьих Земель в 4.500.000 казаков обо-его пола. Эффект боевого напряжения кил — непомерный!!!

В. П. Елисеев. (В. Петров).

Об „интеллигенции“.

(Окончание).

„Серые“, раз'ехавшись, верили („но все же верил, все же ждал...“), что „за дедовский завет и за родной свой угол, за честь Казачества взметнет волну наш Дон Седой...“ А оказалось?... Оказалось, что Дон Седой „взметал волну“ совсем не за это — не за себя... Послабела на шее „деятелей“ большевицкая веревка, и на сцену снова выступили „учения“...

Правда, „учения“ эти начались еще раньше — с речи ген. Краснова, произнесенной им перед „Кругом Спасения Дона“, накануне избрания его Атаманом. Один из наиболее „видных“ „прежних деятелей“ (и ум, конечно, он ли не „интеллигент!..“), г. К. П. Каклюгин в своей статье „Донской Атаман П. Н. Краснов и его время“ по поводу этой речи-доклада пишет:

„Несколько непонятны были последние слова („здравствуй Царь в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону!“), которые вызвали некоторое смущение. При Каледине и Богаевском никогда не идеализировалось то старое время, когда казаки самостоятельно в русском царстве своею казачьей республикой („самостоятельно в русском царстве...“). Какая слабая „идеализация“ и как крепко „смутила“ она „интеллигенцию“!.. В. Е.); в казачьих программах (читай, в программах „б. интеллигенции“ В. Е.) никогда не выставлялись требования вернуться к этому строю казачьей жизни и провести резкую грань между Казачьим государством и Российским государством...“

„Ни Каледин, ни Богаевский не учили обособляться от русского народа, „не вмешиваться в дела русского государства и предоставить ему самому устроить свой образ правления, как ему будет угодно, а самим зажить вольною жизнью“; никогда они не говорили: „мы казаки и они — русские люди“, а всегда: „мы русские люди“. Наоборот и Каледин и Богаевский и все бывшие при них Войсковые Круги твердо устанавливали органическую (? В. Е.) неразрывную связь Дона с Россией и священную обязанность всех русских людей, в том числе и казаков общими усилиями восстановить Россию (насколько чужаковата, все-таки, „бывшая ин-

теллигенция“. — Россия считала себя, по своему, восстановленной, а донская „б. интеллигенция“ почему-то скорбела об ее восстановлении В. Е.), а на казачью государственную самостоятельность смотрели как на вынужденное положение, а потому тяжелое, ненормальное и во всяком случае временное, это был только способ и путь для восстановления России...

— „Без свободной России нет Вольного Дона, — учил М. П. Богаевский, — заканчивает, говоря об „учениях“, г. Каклюгин...“

Так вот, в своей предвыборной речи ген. Краснов так или иначе (вероятно, под впечатлением присутствующих „серых делегатов“), а „проидеализировал“ „то старое время, когда казаки жили самостоятельно“ (хотя и „в русском царстве“, но все же самостоятельно)... И своею „идеализацией“ (еще раз оговариваемся — очень слабой!) „смутил“ „интеллигентов“ каклюгинского пошиба... Хотя на первой же странице своей статьи г. Каклюгин, говоря о периоде „созидательной работы“ Калединских Войсковых Кругов, не отрицает, что он (этот „период“) „закончился крахом казачьей и „паритетной“ власти и установлением кровавого советского режима“. Не отрицает. И все таки свое: — „Без свободной России нет Вольного Дона...“ — С таким „credo“ „интеллигенция“ залезла в погреба и подвалы, с таким из них и „вылезла наружу“... Но и сам „идеализатор“ казачьей самостоятельности „в русском царстве“... Сам Атаман — вождь... Потеешь, прямо, когда силишься постигнуть, уловить его „политическое credo“, как „вождя“...

То „все это было свое, особенное, новое, принадлежавшее Всев. В. Донскому“. То — „Царь в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону“. То — „мать наша Россия“ и „историческая задача донцов“ ее восстановить... Непонятен „б. вождь и теперь, когда пишет; не имел он определенности и ясности и тогда, когда „действовал“... И все лишь потому, что Атаман имел „два вопроса“: вопрос „домашний“ донской и вопрос „общей политики“ — российский...

— „Казачий Круг! — возмущался Атаман, крича тем, кто не понимал (или, вернее, не разделял) „домашнего вопроса“ — донского. — И пусть казачьим он и остается. Руки прочь от нашего казачьего дела — те, кто проливал нашу казачью кровь; те, кто злобно шипел и бранил казаков. Дон для донцов! Мы завоевали эту землю и утучнили ее кровью своею, и мы, только мы одни, хозяева этой земли... Атаман — горячий казак? Честный и нелицемерный защитник интересов Войска (по присяге)? Дорожит честью, славой и процветанием Всежел. Войска Донского?.. Дорожит, да только когда казачий интерес не выходит за часток кол „домашнего вопроса“. А как только вышел — как только начинался „вопрос общей политики“ (конечный вопрос и „вождя“ и „деятелей“), тогда Атаман считал, что „Дон не только неразделимая часть России, но что он обязан бороться и восстанавливать „единую и неделимую“. И тогда Атаман говорил уже не о Доне и его интересе, а о ней, Матери России“, и ее интересе... Решая вопрос „общей политики“, Атаман говорил:

— „Помните! Спасет Россию сама Россия. Спасут Россию ее казаки (какое, в самом деле, своеобразное решение „домашнего вопроса“. — Вот что значит иметь „два вопроса“. Да еще таких, где первый („домашний“) совершенно сдается вторым („российским“) — „спасут Россию ее казаки“)...

Вот вам и Красновская „идеализация“ Дона. Слаба, беспочвенна и жалка... И стоило ли, собственно говоря, — „смущаться“ ею г. г. — „бывшим интеллигентам?..“ Ведь в конечном итоге и „вождь“ и „деятели“ Дон рассматривали исключительно через призму вопроса „общей политики“... Как только способ и путь для восстановления России. И один и другие считали, что „Дон обязан бороться и восстановить „единую и неделимую“...

„Вождь“ указывает на „разрушительную работу“ „интеллигенции“ — „деятелей“... А ваша-то работа, г. Атаман, была „созидательной“? Не выходит ли так, что вы тоже (как и „деятели“) одною рукою созидали, а другою разрушали?..

В самом деле. Додуматься только надо: Спасут Россию ее казаки... Во-первых, эта Россия совсем не нуждалась в каком-либо и чьем-либо спасении (она именно себя считала, как и считает до сих пор, как раз спасенной); а во-вторых, причем тут казаки? И почему именно они обязаны бороться и восстановить „единую и неделимую“? Разве „серые донцы“, избирая ген. Краснова на пост Атамана, думали о какой-то бесславной „исторической задаче донцов спасти Москву“? Разве „Круг Спасения Дона“ был назван так ради какого-то „обязательства“ спасти „единую и неделимую“? Разве „Круг Спасения Дона“ имел, как и ген. Краснов, „два вопроса“ — „домашний“ и российский?.. Кто дал ген. Краснову и его „деятелям“ право спасти Москву Донцом? Кто?..

Диву даешься такому самовольному „обязательству“ перед Москвой, ничего подобного не просившей от наших „вождей“ и „деятелей“..

Ну, и „логика“ же — Спасут Россию ее казаки... Давно это казаки стали „ее“, а она „их“?..

А это, г. Атаман, к какому „вопросу“ относится? — К „вопросу домашнему“ или к „вопросу общей политики“?..

— „Что такое было Всевеликое Войско Донское для офицера добровольческой армии? Донская область, Донская губерния и больше ничего. Казаки — четвертые полки кавалерийских дивизий, штабная конница, прикрытые обозов и конвой — словом — презрительное ласковое — казачьи“..

Почему же, г. Атаман, для офицера добровольческой армии Всевеликое Войско Донское — „губерния и больше ничего“, а для донского казака Россия — „мать его“? — По какой же это такой „обязанности“?..

А где же тут, „а обо мне знайте (знаем, знаем хорошо! В. Е.), что для меня дороже всего честь, слава и процветание Всежел. Войска Донского, выше которого для меня ничего нет?.. — Где?.. Где же тут „служить интересам Войска честно и нелицемерно“, чему

Вы обещались под присягой, вступая в исполнение обязанностей Донского Атамана?.. Где же все это?..

Не отступление ли это от спасения Дона, к защите которого вы нас призывали в свое время? Не само ли тут оно, действительное, очевидное предательство Дона выбравшимися „наружу из подвалов и погребов“ „интеллигентами“, сумевшими обмануть народное доверие Дона — ставшими его „деятелями“.. Конечно, оно само — предательство, — если они подставили к „нашей великой, полной славой Родине — Тихому Дону еще какую-то другую, неродившую нас, „мать нашу Россию“...

— Основные Законы Всежел. В. Донского?.. — Ни одного слова о „матери нашей России“. — Только о себе, о Всежел. Войске Донском — „о правах и обязанностях казаков граждан Всежел. В. Донского“. О том, что „защита Отечества есть священная обязанность каждого казака (вог где ищи „священную обязанность“ казака, а „декларации“ „вождей“ и „деятелей“ — не закон, В. Е.) и гражданина Всежел. Войска Донского“..

— Но „Основные Законы Всежел. В. Донского — одно, а „деятели“ — другое... По собственному признанию Верховного Вождя — Атамана эти Законы, он „домогался“ совсем не ради облегчения в проведении на Дону „самостоятельной государственной власти“ — ради спасения Дона, а лишь для того, чтобы изъять „всю власть из рук коллектива“ и передать ее „в руки одного лица — Атамана“. Точно оформить — для его, атаманского „единоличного творчества“...

Мотив изъятия „власти из рук коллектива“?.. —

— „Творчество никогда не было уделом коллектива. Мадонну Рафаэля создал Рафаэль, а не комитет художников! — самоуверенно восклицает избранный коллективом вождь-Атаман, сравнивая себя-атамана — с художником Рафаэлем... Как кто понимает... Вот и ген. Краснов понимая, что „творчество рафаэлевское“ куда надежнее, чем „творчество атаманское“...

И получилось — „вождь“ — Рафаэль „творил“, обиженные „деятели“, ему противясь, „учили“, („учили, противясь его „идеализации“ Дона), а серые донцы, читая „Родимый Край“ и „плача над ним“, безропотно умирали от пуль „матери России“... За что? За Спасение Дона?.. Да. За Него. Иначе бы не умер ни один.

„К 15 августу 1918 г., ко времени созыва полного Войскового Круга, большевиков не было на Донской Земле, и не вмешайся в дела Войска ген. Деникин и союзники, может быть, и сейчас Войско Донское существовало бы на тех же основаниях, как существует Эстония, Финляндия, Грузия — существовало отдельно от советской России (слово „советской“, повторяем, ген. Краснов подчеркивает. Подчеркивает, что Войско Донское существовало бы отдельно до тех пор, пока Россия была бы советская, но как только советы бы пали, так, по его понятию, должно бы было окончиться и отдельное существование Войска Донского. Думала ли так Эстония или Финляндия, когда добивалась своей самостоятельности?.. — Эх ты, Дон, Наш Батюшка. Казаки вы, лыцари!.. Как же вы несчастны, что в такое „жаркое“ время имели на атаманском посту не Атамана, а „Рафаэля“, который думал о своей „Мадонне“ а не о Доне...)

Насчет „вмешательства в дела Войска“ ген. Деникина („вмешательство союзников“ обязано ему же)...

Спросим. Кто же дал право ген. Деникину „вмешаться в дела Войска“?.. Не сам ли Атаман-„Рафаэль“ и окружающие его „деятели“? Не они ли? Конечно, они. Они сами — их „вопрос общей политики“ позволил ген. Деникину „вмешаться в дела Войска“... По правде сказать смешно становится от такой детской наивности „б. вождя“. Сам же взял подряд построить ген. Деникину дом, а сам же возмущается „вмешательством“ Деникина, как хозяина, в дела своего подрядчика. Что, может быть, вмешательство хозяина не очень-то лестно подрядчику это — одно, но протестовать против хозяйского вмешательства подрядчик, как нам кажется, своего права лишен. — Нанялся — продался...

Между прочим, еще небольшая оговорка к „вмешательству в дела Войска“ ген. Деникина...

„Вмешательство“ Деникина „в дела Войска“ Атаман не разделял не потому, что это „вмешательство“

приносило вред Войску — „вопросу домашнему“, а лишь потому, что Атаман считал Деникина „неспособным“ („Всякий другой, только не Деникин, с его крупным характером“) на „восстановление России“. Атаман так же, как и Деникин, всю свою душу направил на разрешение „вопроса общей политики“. Конечно, больно, если такой „крутой“ человек свалит всю эту „общую полигику“,... Работать-то не он один работал...

Просто сказать, здесь проскальзывает ничем неприкрытая ненависть или страдающее самолюбие на первенство... Другого чего-либо тут ничего не было...

Сюдвижники „б. вождя“ — „деятели“ — в этом „вопросе“ были более последовательны. У них „домашнего вопроса“ („донского“) вовсе не существовало, и потому они на „вмешательство в дело Войска“ ген. Деникина смотрели, как на „вопрос“ нормальный... Кроме того, „Вмешательство в дела Войска“ такого „крутого“ человека, как Деникин, довало им удовлетворение на свержение „единоличного творчества“ атамана — „Рафаэля“ (тут тоже больше работала „персональность“ — личный интерес, чем что-либо другое)...

В общем, так или иначе, а к этому времени Дон был забыт. О его спасении уже ни „вожди“ ни „деятели“ не думали. И Дон уже не спасался для донцов. Тут уже пошло „на перекор стихии“... Стали ломать копы на „ориентациях“. Одни доказывали, что нужно „ориентироваться“ на Атамана — германцев („атаманско-германская ориентация“), другие стояли за Деникина — союзников („союзническая ориентация“). Свою „донскую ориентацию“, так или иначе, оставили и стали ориентироваться на „ориентации чужие“...

А к этому времени, хотя большевиков и не было на Донской Земле, но с фронта ген. Мамонтов доносил: — Дух начинает колебаться. Был уже случай военного мятежа. Боюсь, что эта не последняя туча расеянной бури, а первая весенняя ласточка грядущего печального исхода борьбы“...

Думаете, что „вожди“ и „деятели“ задумались над этим донесением с фронта? Как бы не так. — Задумаются... В это, как раз, время они стали возбуждать „возврат к общерусскому флагу“ — стали плотней подходить (стали иметь возможность) к разрешению „вопроса общей политики“... И только благодаря одному „невидному казачишке — фронтовику“ („серяку“, так сказать), заявившему: — „Господа, когда мы там, на фронте идем с нашим флагом — неприятель бежит. Мы полюбили этот победный флаг. Надоть оставить его. В нем победа“, — казачий флаг под смехом „деятелей“ остался на Дону еще на некоторое время...

Все же, несмотря на близкий подход „б. вождем“ и „прежними деятелями“ к „вопросу общей политики“, собравший Большой Войсковый Круг снова подтвердил „государственную самостоятельность Дона“:

— „Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства“ (от 15 сент. 1918 г.).

В тот же день в своем Указе к Войску Круг писал: „Одна мысль, одна воля да объединить нас: помочь Атаману в его тяжелом и ответственном служении Дону“ (все думали, что Атаман служит Дону, поэтому и просили помочь ему в этом служении)...

В Основных Законах Большого Войскового Круга, как и в Осн. З. Круга Спасения Дона, тоже ничего не говорилось о раздуваемой теперь „б. вождями“ и „прежними деятелями“ пресловутой „временности“ государственной самостоятельности Дона („временность“ эта выявилась из „деклараций“ „б. вождей“ и „прежних деятелей“ при искании ими „способов и путей“ восстановления России и по их частной инициативе). Никогда ничего не говорилось в Осн. З. В. В. Д. и о какой-то „исторической задаче донцов спасти Москву от воров и насильников“, — все это были или речи „вождей“ и „деятелей“ или их частные „декларации“...

О „временной“ государственной самостоятельности Дона или об „исторической задаче“ спасения Москвы донцами, если кто и думал, то только лишь в период Каледина и М. Богаевского — в период „разрушения“, в период безуспешного искания в русской революции своего казачьего места. После же пережитого Казачеством опыта „под большевиками“, Казачество в мас-

се убедилось, что свое спасение оно должно искать не в русских революционных партиях, а в своей собственной партии казачьей, как партии национальной. Этим только и объясняется (ибо время перебоев — восставать или не восставать, как и за что — прошло) поголовное восстание казачьих станиц против свившего себе гнездо на казачьей земле русского большевизма. То было восстание Казачества, как народа, против сиящегося его поработить другого народа — русского. В это время спасение Дона стало, действительно, символом „одной мысли, одной воли“ каждого честного казака. В это время все Донское Казачество горело жарким огнем самоспасения, самозащиты. Все чувствовали в себе этот жаркий казачий огонь. Но к большой нашей казачьей скорби этим жарким казачьим огнем — огнем самоспасения не пылали черствые души нашей тогдашней „видной казачьей интеллигенции“, в руках которой была наша судьба... Просидела она, „трусливая“, при большевиках „по подвалам и погребам“ и, ничему не научившись, так и осталась при старом мнении, что „большевики“ это не он — сам распроданный русский народ, а только лишь его „воры и насильники“. Осталась она, вероломная, верной мертвому, провалившемуся в преисподнюю „учению“ М. Богаевского:

— „Без свободной России нет Вольного Дона“...

Присяга?... Обещаюсь честью Донского казака перед Всемогущим Богом и перед Святым Его Евангелием и Честным Крестом, чтобы помнить престол Иоанна Предтечи и христианскую веру и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, но быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству?“... — Ну, и что ж, что обещаюсь... — „Обещанка — цецанка“...

К концу июля 1918 г. когда особенно назрела „пограничная болезнь“, и когда „вождю и „деятелям“ нужно было, как можно „невинней“ ее уладить перед „серой массой“, не хотевшей переходить границу Войска, мнение „вождя“ об „интеллигенции“ ... меняется (правду говорят, что „милые братятся — только тешатся“)...

„Стремящаяся к власти, воспитанная на критике ради критики, на разрушении, а не на творчестве“, она — „интеллигенция“ — все же, как и Атаман, „понимала, что не может быть Войска Донского вне и независимо от России“... „Понимала“... С „интеллигенцией“ Атаман „понялся“... Плохо только обстояло дело с „громадным большинством“ — „серою частью Круга“. Она „понимала“ совсем по другому... Стояла на принципе „без анексий“, „при свободном самоопределении народов“... И это „громкое серое большинство“, ничего не зная и зная не желая, „самоопределялось в пределах Земли Войска Донского, не желая переходить его границы“...

— „Вы посмотрите, какое Войско Донское маленькое, — говорили Атаману серые донцы: — может ли оно одно идти спасать Россию? Да и с какой стати! Коли она сама спастись не хочет. Пусть поднимается, как мы, и идет спасать себя. А на что добровольцы? Засели на Кубани, по Кисловодским шатаются, а настоящей войны не хотят!“ — Мнение „громадного большинства“ „серых донцов“...

А мнение „вождя“ и „деятелей“ — „развитие военных действий“ вне Дона, лежащее исключительно на синах „серого большинства“... Надо, значит, было быть особенно „интеллигентным“, „понимающим“... А то, ведь, „серье“ же (темнота да упрямость!) — запротестовать и не пойдет „переходить границы“ — восстанавливать „мать Россию“... Правда, „переход границы“ означает конец „войны народной“ и начало „войны гражданской“ — „завоевательной“... Но ты „лучезарное восстановление России“! Ты „священная обязанность“ — „единая и неделимая!“ Есть ли что ценней тебя, „нашей матери России!“ Дон?... Его „слава, честь и процветание?“ — Так, ведь, это было тогда, когда, мы разрешали „домашний вопрос“. С ним мы уже упрямились. — На Донской Земле большевиков нет. И теперь мы „обязаны“ брать за разрешение самого главного, вопроса конечного — „вопроса общей политики“... А раз другой „вопрос“, то, значит, и другие „обязанности“ и другие интересы. Другая нас ожидает

и „честь“, и „слава“ и другое „процветание“... не Дона, а ее — „матери России“...

„Серые“ — то, ведь, не понимают, что мы „обязаны“ осущестить и „вопрос общей политики“ (что они там знают о „исторической задаче донцов!...)... Значит, нужно их к этому подготовить, подбигить...

И „вожди“ и интеллигентная часть Круга, „наседа на „серых донцов“, в конце концов „добилась“ (по собственному выражению „вождя“)...

Приказ: „Для наилучшего обеспечения наших границ (мотив, действительно, тонкий — „интеллигентный“), Донская Армия должна выдвинуться за пределы Области, заняв город Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск и Калач в районах Саратовской и Воронежской губерний“...

И „серые донцы“ „для наилучшего обеспечения наших границ“ пошли спасать Саратовскую и Воронежскую губернии... Пошли да так разошлись, что подбиралась до самой Кременной — „били по тылам“, „рейды“ закатывали. „Вожди“ уже мечтали о нежных малиновых перезвонах московских колоколов (триумф-то какой мог бы быть, в самом деле!)... Да что толку?.. — Не захотела „мать Россия“ казачьего неспрошенного „сыновьяго“ спасения (а, ведь, „серые донцы“ предупреждали: — Да и с какой стати! Коли она сама спасаться не хочет!) и, ополчившись на нас русской красной ордой, ради „обеспечения своих границ“, выгнала нас из Саратовской и Воронежской губерний... А потом и из наших, собственных хат...

В „войне народной“ Дон был силен — спас себя, а в „войне гражданской“, которой „добились“ „вождь“ и „интеллигентная часть Круга“, „понимавшие“, что „не может быть Войска Донского вне и независимо от России и потому настоящие „на дальнейшем развитии военных действий“ (на переходе границ Войска), Дон не только, что не удержал Саратовской и Воронежской губерний, но не отстоял даже самого себя... Почему?.. Да потому, что „все повернулось против тебя“... Против „вождя“ и единоидеи с ним „интеллигентной“. Против их „интеллигентной“ идеи „дальнейшего развития военных „действий“.

„Серые донцы“, развивая „дальнейшие военные действия“, еще больше убедились в правоте и разумности своих „серых“ взглядов... Те, кому вышло на долю „развивать“ эти „военные действия“, помнят и теперь как к ним, „спасителям“, отнесся русский народ. Не красногвардеец русский, а сам он, мирный житель рус-

ской деревни или русского города... Не одного участника „развития дальнейших военных действий“ он отпирал на тот свет с крыши или из окна своего дома, не одного и ошпарил кипятком...

Это только наши „вожди“ и „деятели-интеллигенты“ думали и плакались о судьбе русского народа; это только они считали, что измученная Россия нуждается в их „восстановлении“. Сама же Россия совсем не считала себя (как и теперь не считает) какой-то „измученной“ или нуждающейся в каком-то „восстановлении“... Тех, которые думали тогда ее „восстановить“ по-своему, она их или безжалостно порасстреляла или изгнала, как вредных ей, из своей земли — России. Изгнанные нашли радужный приют на Дону. И не только приют, но и последователей мечтаемого ими „восстановления“ и „прежних деятелей“... Вот поэтому и „все повернулось против тебя“...

Сначала „серые донцы“, так или иначе, а „развивали“ дальнейшие военные действия“... А потом, убедившись воочию в полной безумности их „развития“, стали развивать их „неохотно“... А потом, закрутившись, стали идти „неохотно“ и за Дон... Все же воевали, пока „дальнейшее развитие военных действий“ не дошло до пароходов...

За то, что „бывшие вожди“ и „прежние деятели интеллигенты“ не посчитались с народным разумом „громадного большинства“ „серых казаков“, за то, что „интеллигентность“ б. „вождей“ и „деятелей“ была по крови не казачьей, для Дона, а русской; за это мы и угодили сюда, потеряв наши Казацьи Земли...

Из-за того, что наша бывшая „интеллигенция“ имела не „один вопрос“ — „донской“, а „два вопроса“ — еще и „вопрос общей политики“ — „российский“, и была начата Казачеством „гражданская война“ — „завоевательная“... Результат ее казакам — на лицо...

Такая „интеллигенция“, которая не желает и не умеет читать души своего народа; которая гнушается разума своего народа; которая имеет интересы, совершенно чуждые ее народу, есть, действительно, та „интеллигенция“, которая способна не „на творчество“ своего народа, а только лишь на его „разрушение“...

Наша „прежняя интеллигенция“ эту святую неоспоримую истину „разрушения“ доказала собой полностью — на все 100%...

Так есть ли чем кичиться „прежней интеллигенцией“?..

И. М. Назаров.

Казачья жизнь за границей, ее течения и казачья правда.

Жизнь казачьей эмиграции в настоящее время проявляется в трех ее основных течениях: „Атаманское“, так называемых „русских казаков“ и самостийное. Рассмотрим поочередно все три с целью выяснения вопроса о том, какое из них более отвечает духовной сути Казачества и какое из трех более близко к решению вопроса о настоящей дедовской, степовой правде.

Первое течение обосновано Атаманами и лицами близко к ним стоящими, — рядовое же казачество в первое время почти все стояло за их спиной до тех пор, пока в политике ее вождей не стали появляться признаки крайнего расхождения с требованиями старых, степовых заветов и той нерушимой казачьей правды, светоч которой не меркнет в душе казака нигде. Здесь же, за границей, сами ведущие стали забывать о ней, пошли по чужой дороге, стали требовать служения чужим идеалам и это послужило началом распада атаманской партии.

Не останавливаясь на подробном рассмотрении причин этого распада, посмотрим насколько близка она Казачеству теперь и не в ней ли казачья правда — та правда равенства, свободы и братства, которая лежала как краеугольный камень в жизни наших де-

дов и прадедов. Для того, чтобы решить этот вопрос, нужно проследить, что делала эта партия все 12 лет в эмиграции и что она сделала.

Атаманы, надо им отдать справедливость, жили за счет войсковой казны так, как будто бы она была их собственной; распоряжались ею, минуя всякие контроли, и ничего на войсковые деньги для казачьей эмиграции не сделали; не построили ни одной больницы, не организовали касс взаимопомощи, не создали фонда для обеспечения потерявших способность работать; между тем, вместо этого, по некоторым распространенным в казачьей среде сведениям, те же лица покупали дома и дачи.

Это первое раскрыло глаза многим и в этом обнаружилось первое расхождение с казачьей правдой, по которой свобода в Казачестве была достоянием всех, как всем принадлежала и войсковая казна, а не одному Атаману.

В политике же это течение шло в хвосте русской эмиграции, что тоже не соответствовало интересам Казачества, ибо русская эмиграция за все эти двенадцать лет и в своем деле ни на шаг не сдвинулась с места. Хуже того, она не только за это время не сорганизовалась, не выработала каких либо мер в целях

освобождения своего народа, но как и в последних этапах большевической борьбы, показала себя дезорганизованной, лишенной чувства любви к родине, мелочной, друг к другу зложелательной и слабой.

Наконец, в последнее время некоторые вожди ее явно повернули фронт к примирению с большевиками, чего казаки не допускают. Несмотря на это, наша атаманская партия своих позиций в отношении русской эмиграции не изменила, продолжая держаться ей в затылок и ждать у моря погоды.

Для нас сейчас больше чем ясно, что самый смысл этой политики заключается именно только в ожидании, что когда-то, кто-то за них и без них сделает переворот в России и тогда они поедут на готовое. Расчет, конечно, вполне детский, ибо политическую погоду не ждут, ее настоящие политики сами делают, на что конечно ни русская эмиграция одна, ни вдвоем с атаманами не способна.

Конечно, если ход такой политики, в корне основанной на истинно русском „авось“, вполне удовлетворяет русскую эмиграцию, то казаков это удовлетворить не может. Многие стали искать более широкие горизонты, более активных путей служения своей Родине и отшатнулись поэтому от Атаманов, почему и партия их стала неудержимо падать; наконец, в последнее время из атаманской партии выдохся и последний смысл, когда обнаружилось, что никакой казачьей политики у Атаманов нет.

Несмотря на такое явное расхождение с требованиями своего чисто казачьего долга, Атаманы по прежнему не теряли вожжей из рук и попрежнему требовали от других безусловного повиновения и подчинения их приказам. Рядом с этим, вместо былой свободы слова и мнений, так ярко прежде распространенных в Казачестве, Атаманы стали требовать отказа от свободы мнений и рассуждений, что в корне расходится с традициями казаков и, конечно, не вяжется с дедовской правдой.

Тут же на лицо выступил и последний факт, — что Атаманы были выбраны Кругом или Радою на четырехлетний или трехлетний срок, и что, следовательно, давно полномочия и власть их кончена.

Как последний козырь, на атаманском фронте недавно была выдвинута „тяжелая артиллерия“ в лице старого казачьего политика Харламова.

Харламов выступил в Париже. Его пятичасовой доклад был главным образом направлен против самостийников. Но вышло не так, как предполагалось, ибо он ничего не оправдал, во-первых никого не разбил, во-вторых; а сам был разбит неумолимой логикой вольных казаков, которые паряруя его безосновательные доводы, били его именно историческими и твердо обоснованными данными!

В конце концов, Харламов только усилил позицию самостийников, что признали и сами русские, бывшие на докладе.

Следует упомянуть также, что этой партией издавался журнал „Родимый Край“. В нем печатались приказы, распоряжения и прочие „угрожающие вещи“; однако в „Родимом Крае“ не было ничего родимого, ибо те, кто вели журнал, не жили нашей жизнью, нашими муками и не знали настоящую цену родного края, почему журнал этот рос не расцветая, чах и умер бесславно, как бесславно продолжают жить его руководители.

Вот в кратких словах история атаманской партии. Длинная, правда, история, но бесцветная, стоящая за чужой спиной, из чего ясно, что правды в ней нет и что политика, 12 лет ведомая ими, чужда казачеству — чужая политика.

Перехожу ко второму течению. С развалом первого течения образовалось второе — это так называемые „русские казаки“. Казачьи инстинкты оторвали их от атаманского течения, ибо воочию увидели, что ведут их не туда, куда надо. Как шестом от берега оттолкнулись от Атаманов, но оторваться от России у них не хватает смелости.

„Как же так“ — говорят они — деды наши и отцы верой, правдой служили России... от царя-батюшки чины и прочее получали“. Это они твердо помнят. А что ве-

рой и правдой русские цари-батюшки на протяжении целых столетий душили казачью волю, казнили: лучших людей, тысячи плотов с виселицами пускали вниз по Дону, целые городки казачьи вырезали и жгли и с землей их равняли, — этого они не помнят. Забыли вероятно и то море крови, какое пролили русские товарищи в наших степях, из края в край охваченных грабежом, разбоями и насилиями; трупы наших братьев бросали собакам и не позволяли хоронить их. Неужели это можно предать забвению?...

Наконец, если ничему их не учит прошлое, то можно ли забыть те ужасы и зверства, которые делаются сейчас русскими людьми там? — Целые станицы расселены и выселены в Сибирь, тысячи расстреляны, тысячи сосланы в Соловки на постоянную большевистскую каторгу, над ними издеваются, ужас их жизни леденит кровь...

Разве это не правда? По правде же, чисто казачьей правде, они должны не только отвернуться от России, они должны во весь рост стать против нее, против ее насильственных коварных деяний, против издевательств ее тиранов, против жестокостей ее простого народа. Нельзя верить, что они, эти „русские казаки“ этого не видели и не знают, — знают, но как люди „средние“, они не искренни, не порывисты и не откровенны, и, что хуже всего, боязливы. Оторвавшись от первого течения, они не приблизились и к другому берегу из расчета, что, если — чего доброго — Атаманы дождутся „плодов“, — они пригребут к ним; если же те третьи будут наверху, они „вдарятся“ к ним. Вот психология их политики и вот почему они все высматривают, выслушивают и даже вынюхивают и, до поры до времени, сидят в затишке. (Не все! Ред.).

Не удивительно поэтому, что в этой партии вовсе нет никакого толка, и правда, конечно, не с ними, ибо она, наша казачья правда, требует сейчас высокого подъема чувств, искреннего и жертвенного порыва, открытого приношения жертв и смелую, быть может, смертную борьбу за погибающий казачий народ. *)

Наконец, на противоположном берегу от этих двух лежит третье казачье течение — самостийное.

Если мы сравним рост всех трех группировок, то увидим, что рост первого течения все время идет на убыль. Рост второго тоже падает. За их счет увеличивается третье.

Самостийное вольноказачье движение не уменьшается ни за чей счет и определенно растет, — видимо в здоровой атмосфере развивается его дух и глубоко в казачьей душе сидят его корни. Не только не гложет оно, а напротив, заглушая сорные травы, со всех сторон старающиеся оплести его, оно вырывается к свету и расцветает на ярком солнце. Посмотрим же, в чем секрет этой победы и в чем достижения самостийников.

Во-первых, в том, что самостийники — и только они — дали нам нашу настоящую историю, каковой до них у нас вовсе не было. Ну, конечно, не ту историю, которую о нас писали русские и по которой мы происходили от их воров, а историю живую, подлинную, вынесенную из времен на действительно научных основаниях, по которой мы были и есть особый от русского народ, издавна живший своей особой жизнью и имевший свой быт, свои законы свое самостоятельное государственное устройство. Не даром мы это как-то невольно чувствовали душой, почему никогда себя чисто русскими не считали и не даром наши казачата употребляли кличку — русак, как одну из самых — мягко выражаясь — не уважительных.

Правда, когда-то наша старшина в лице Зерцкова и других атаманов из своих чисто личных честолюбивых или торгашеских расчетов выпустила пернач из казачьих рук и сама подставила шею под ярмо России,

*) От ред. По нашему мнению и „русские казаки“ и „атаманская партия“ по существу одно и то же. Атаманская партия защищает свои русские позиции организовано, „русские же казаки“, не составляя никакой партии (в этом вопросе мы расходимся с почтенным автором), раскиданы по разным русским партиям и группировкам.

сделав Казачество зависимым и подвластным. Но ведь такие примеры не для подражаний — потому то все казаки таких атаманов считали изменниками и волю, ими проданную русским царям, считали изгубленной волей; жалость об этой воле крепко жила в душе казачков всегда и сейчас живет в сердцах самостийников, воскременная и поддерживаемая настоящей историей.

Итак, историю дали нам самостийники. В этом их бесспорное громадное приобретение: ибо история возмечивает дух нации, она облагораживает его и ведет нацию к подвигам. Вот первая правда самостийников и именно дедовская старая казачья правда.

В сочетании с этой первой правдой выступает у них вторая, поросшая разным историческим бурьяном, но так же чистая и искренняя степовая правда — это правда о своем самостоятельном государстве.

Подождите — кричат, господа из первой партии. Во-первых, это только в ваших ушах звучит страшно и подводится под параграф измены, на самом же деле эта правда не расходится ни на йоту с нашей историей, ибо она подтверждает точно, когда и в каких веках и годах казаки имели свое самостоятельное государственное управление, когда его утеряти, и когда, с каких пор и какие атаманы закалили Казачество под русской опекой.

Что же касается самой идеи самостийничества, то она в корне подтверждается стариной, ибо в одной из старых народных песен говорится определенно: „Ты царь — в кременной Москве, а мы, казаки, — на Тихом Дону“. Разве это не самостийность? Другая песня, тоже старинная и тоже непохожая на русское яблочко, возмечивает бунт против царя и говорит: „Что бы знал да нам сказал про батюшку Тихий Дон, про того ли казака, про шельму изменщика, изменил ли он сделал „подверг“ государыне... Разве этот „подверг“ государыне не наша постоянная самостийность, не безумная жажда воли, не бунт ли против насилия и рабства? Припомните также, разве это не самостийность, когда Войсковой Круг на требование одного из царей выдать казака на суд в Москву говорил: „С Дона выдачи нет“. Разве не также на требование выдать Каледина Войсковой Круг повторил: „С Дона выдачи нет“ И не выдал. А если так, то разве это не отделение, не противопоставление своей власти власти чужой?

И вот к такой самостоятельности, к такому именно отделению от гнетущей подвластности из трех наших партий в настоящее время зовет только третья. И перед судом старинной правды она одна стоит лицом к лицу с ней. Первая же и вторая до сих пор прячутся за спиной врага...

В стане самостийников подпольной игры нет и все карты открыты, врагов они называют врагами, не скрывают своих стремлений и открыто говорят об активной борьбе, когда этого потребует долг служения Родине. И в этом факте именно такой прямоты убеждений и убежденной смелости, как в кристалле отражается казачья черта, — характерная, быговая, — когда казаки политики за чужой спиной не делали, а шли вперед и на остриях пик добывали свою „политику“ и правду.

Несмотря на доказательность связи нашей самостийности с нашей старой историей, она до сих пор еще не захватывает всех; многих по прежнему ее высокие принципы пугают, особенно страшен принцип своего государства; между тем не абсолютно ли все равно, что мы, потомки вольных людей, тяготеем не к рабству, а к свободе и как идеал этой свободы считаем свое государство; тем более, что как народ мы уже жили вольною жизнью и самостоятельную государственную власть имели.

Не понимаю также, почему так авторитетно мнение, что борьба с Россией непосильна. „Как бороться с такой махиной? говорят многие и им кажется невозможной и смешной борьба за свою волю. Но не так ли тысячи лет тому назад выглядела борьба Давида с Голиафом? А победил Давид. И не в вооруженной силе было его преимущество перед великаном, нет, он пошел не с бомбами за поясом, а с простой пращей и

победил. И до сих пор слава об этом неравном поединке живет в истории как пример, что не в бомбе сила, а в смелой душе, вооруженной правдою.

Почему и нам не победить, если за нами и за нас правда?

Вот что говорят настоящие самостийники и что думают о борьбе с Голиафом. И в этом тоже казачья правда, ибо в этой безумной преданности долгу проявляется черта высшего рыцарства, по которой не тот только рыцарь, кто побеждает, но еще выше тот, кто бросает жизнь в лицо смерти и падает в борьбе за победу.

Наконец, если Давид слишком далек от нас по времени и по различию в расе, то возьмем близкие нам героические примеры. Почему Польша (кажется в два раза меньше территории наших Земель и в тридцать раз меньше России) — почему она боролась с русским Голиафом и достигла победы? А была разорена и боролась тоже чуть ли не с одной пращей. Почему Литва и Латвия — чуть ли не такие, как наши два округа, — почему они вырвали свою свободу из рук России, а мы численнее их, не меньше их любим свою Родину и пропадем в рабстве? Не потому ли, быть может, что в свое время наши вожди из чисто личных интересов, самолюбия и карьеры, слишком усердно служили интересам чужой страны в ущерб своей? И эта их покорная служба, эта их политическая недалекость и тупое усердие — это они привели нас на чужбину, из которой нас выведут те, кто будет зажжен огнем безумного подвига, для кого служение своему народу выше всего...

Надо, конечно, помнить, что свобода добывается в бою, в крови и в смерти... И потому те, кто думает добыть свободу выжидаем, те никогда ее не увидят.

Без боя никакой правды не будет, никто, никому, ничего даром не дает; никто, ничего ни у кого мольбой не вымолит. И если Казачество и в будущем будет так же твердо опираться на костыли двух первых партий, оно ни правды, ни воли, ни степей своих родных не увидит и погибнет в изгнании.

История, свое государство, воля, борьба за нее, смерть за волю — разве это не святые наши старые принципы и разве это не наше высокое моральное достояние? Однако, кто раньше говорил о них? Как старые знамена дедов, они лежали в забвении, в пыли... Кто воскресил их? Кто развернул их славные полотнища, кто стал будить сердца к борьбе за волю?.. Разве не вольные казаки?!

Хочу упомянуть еще об одном достижении самостийников, каковым является их литература. Ведь ни для кого не секрет, что до выхода в свет „В.К.“ у нас вовсе не было казачьей литературы. Правда, атаманская партия издавала „Родимый Край“, но та литература, которая родилась там, там же и умерла, как недоносок, ибо о чем бы говорила она, если „родители“ ее вообще могли свободно засунуть все свои идеалы в боковой карман, а идеалы Казачества им только мешали в их русском деле. Так велся „Родимый Край“ и, конечно, не был способен создать казачью литературу; настоящий литературный талант не мог там развиваться, потому что крив и узок был путь...

В литературе самостийников сразу виден простор. Во-первых — свой народ. О нем самостийники в изгнании не забыли; его страдания, его гнет; его борьба в прошлом... В этом широком горизонте тысячи захватывающих тем... Отличительной чертой литературы В.К. является ее искренность и правдивость.

Наконец, неопровержимая заслуга литературы самостийников в том, что мы здесь — и только здесь — стали любить свою родину больше, чем прежде любили. Как ни странно, но это факт, ибо только теперь все доподлинно узнали, все поняли, и все перестрадали. Под влиянием бесконечной ценности пережитых потерь у нас раскрылись внутренние глаза и мы увидели, то, чего прежде не видели, что Родину нужно любить сильнее жизни... И что жизнь за нее отдавать это не только наша обязанность, но и наше благороднейшее право. И к такой любви, к сознанию такого именно священного и святого долга нас привели тоже не атаманы, не их „Родимый Край“ и не их

напыщенные риторикой приказы, а литература людей, умеющих читать в казацкой душе ее заветные чувства, красивые, простые, непосредственные, как эта эпическая Поляковская песня: „Янош, Янош старый, ты увидишь Бога — Расскажи, что в мире слишком много зла.“

Выжмите весь „Родимый Край“ под самым тяжелым прессом, — дайте мне четыре подобных строки и я поклонюсь перед его литературой.

Можно было бы еще многое сказать в защиту литературы самостийников, если бы она в этом нуждалась. Но я не пишу специально с этой целью и потому обращаю внимание еще не верующих на следующий характерный факт: несмотря на туго набитые карманы издателей „Родимого Края“, он, как я говорил уже, чах и умер. Чахли и умирали вслед за ним и многие другие в том же роде издания, между тем, как редактор „В. К.“ уже больше года не платит гонорар, а журнал не только живет, но в нем не хватает места для поступающего материала и редакция в последнее время озабочена необходимостью расширения рамок журнала.

Наконец, у самостийников родилась идея созыва всеказацкого С'езда. Это разве тоже не жизненная, не светлая идея!? Ибо если мы и дальше будем сидеть в своих норах, как кроты, ничего общего не подымая и не делая, в такой же пассивности и „нерассуждениях“, как этого требовали от нас Атаманы, то мы будем сидеть в эмиграции вечно.

Если же соберем С'езд, подумаем, поговорим, решим и установим — в этом будет просвет и шаг вперед из нашего эмигрантского плена. Слава и честь тем первым, которые прислали и присылают в журнал свои взносы. Многих и многих там не видно, однако я верю — единственно потому, что многие из казаков еще не усвоили твердо цель взноса. Это во-первых, а во-вторых, некоторые еще боятся, чтобы и этот взнос не постигла судьба тех многих взносов, которые мы делали прежде и которые куда то „ухули“. Наконец, многие по тысяче проклятых жизненных забот и лишений не имели возможности на это собраться. Если же мы все решительно „взаправду“ и по казацки дадим себе слово отстоять этот сбор во

что бы то ни стало, то мы отстоим его и наши жертвования красноречивее всего будут говорить об этом.

Глубоко убежден, что этот маленький национальный долг мы исполним и что должен поэтому каждый из нас оторвать от своего заработка три, пять, десять динар каждый месяц, чтобы росло и крепло наше возрождающееся казацкое дело, ибо в этом сборе проявляется действительное и практическое начало нашего освобождения, это его первый деятельный шаг и не поддерживать его казакам было бы стыдно. Напрасна также и совершенно наивная боязнь, что взносы наши пропадут или куда то денутся, ибо никакой скрытой стороны в регистрации денег нет, всякий, кто послал, видит свою сумму в журнале, а значит и пропасть она не может, ибо те, которые вели такие дела с „уховой“ целью, те строили свои лавочки в темноте, как огня боялись гласности и не допускали возможности контроля. Словом, о недоверии в этом отношении абсолютно не может быть речи. Если найдутся все же охотники прятать из за него свою закоренелую шкурность, то таких будет очень мало, ибо настоящие казаки открыты, не склонны к мелким расчетам, широки в размахе национальных побуждений и по природе жертвенны. Это я знаю, вот почему как кремень тверда моя вера, что наш казацкий С'езд состоится, несмотря на остервенение, с которым разоряется вокруг него „Кавказский Казак“, и многие из наших „доброжелателей“ русских...

Кончая, считаю нужным указать также и на тот факт, что самый вопрос о казацкой правде подымался и подымается именно в стане вольных казаков и именно потому, что он стоит в центре самостийного течения и вокруг него главным образом оно ломает копыя; тогда как другие и г. г. атаманы замалчивали его всегда и замалчивают теперь, ибо этот вопрос в его жизненной острой яркости режет глаза и является „несколько“ неудобным, как противоречащий и в корне расходящийся с их русской правдой.

Итогов не подвожу, предоставляя уму и сердцу каждого казака разобраться в хаосе наших эмигрантских дел и самому решить: где же, у кого, в чьих руках и ученьях наша красивая и гордая — старая, как ковыль степной — казацкая правда.

Петр Крюков.

О Походном Круге Спасения Казачества.

В начале 1918 г., в тяжелые, кошмарные дни для Дона и всего Казачества — многим казалось, что исполняется предсказание (и вместе — призыв к борьбе за Казачью Волю) русского поэта Кукольника:

„Взметни же, Дон седой, могучею волною!
Благословенье дай Казачества обломкам!
Ведь ты — пред смертью! Твой час
последний бьет
И твой свершается предел: его ни-
кто же не преидет“...

Но в эти страшные дни, дни гибели Казачьей Воли, Казачьего Присуду — „и взволновался Тихий Дон!.. Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики... То Дон родной восстал за славу дедов и отцов, за свой порог родной и угол“!..

В только что освобожденной от русских оккупантов Донской столице — Новочеркасске — спешно собирается Малый Войсковой Круг Спасения Дона.

Последующие события показали, насколько велико было значение этого Круга, за которым навсегда сохранилось у Донцов название „Круг Спасения Дона“.

Прошло 13 лет. И вот снова Казачество очутилось в том же положении (даже — в худшем!), в котором было и в начале 1918 г.

Во весь свой страшный рост поднялся неумолимый и незаглушаемый ничем вопрос:

быть или не быть Казачеству?..

Тринадцать лет, отделяющие нас от Круга Спасения Дона, к глубокому сожалению, не научили ничему

многих казаков. Еще многие до сих пор детски неразумно лепечут о русских „вождях“ и „императорах“, думая не о спасении Казачества, не о своих потомках и лучшей жизни для них, не о своем земном долге: любить свой народ, свою Родину и Волю и стараться принести им хоть каплю пользы, но... о спасении собственной шкуры, о наполнении только личных карманов и желудка, только о своем мелко-ничтожном, безразлично-интернациональном „я“.

Тринадцать лет ничему не научили эту категорию казаков (к глубокому прискорбю, подобные интернационалисты еще осмеливаются себя называть казаками!).

Но многим казакам эти кошмарные 13 лет сослужили незаметную службу: они принесли многим понятие о своем национальном, казацком „я“.

Четыре года неутомимо боролся журнал „ВК“ за это казацкое „я“ и вот... началось движение в казацкой массе, раньше находившейся в каком то кошмарном летаргическом сне. Сначала робко, как бы неуверенно, потом все громче и решительнее стали раздаваться голоса вольных казаков о необходимости созыва вольно-казацкого с'езда.

Обмен мыслями дал результаты: Пугачевская станция в г. Южине первая внесла в фонд с'езда свою лепту. И этот шаг Пугачевцев займет почетное место в будущей Казачьей Истории!

Первый шаг Пугачевцев не оказался последним: в фонд с'езда казаки понесли свои трудовые гроши. Это является в данное тяжелое время весьма показательным фактом: Казачество нашло свой путь! Изверив-

шись в „единонеделимских“ тореных дорогах (к разбитому корыту!), оно пошло по пращуровскому шляху, ибо он один только и может быть казачьим.

Мне хотелось бы поделиться своими думами с братьями-казаками по поводу этого съезда и, кстати, указать на одно важное (по казачьему) упущение, видимо ускользнувшее от внимания многих вольных казаков, писавших в „ВК“ о съезде.

Мы, казаки, имеем свое историческое прошлое. Имели мы свой язык, нам пока неизвестно, но что мы имеем свое наречие, а главное — массу своих слов, освященных славным историческим прошлым, — это известно каждому казаку!

Имея такие напр. слова, как: круг, рада, сбор, майдан, мы, казаки, как будто бы избегаем назвать свое будущее собрание представителей вольно-казачьих организаций своим казачьим именем.

В далекие славные времена наших вольных пращуров на Земле Всего Великого Войска Донского, (нужно думать, что и в других Войсках) был такой присуд: когда какой либо отряд (по казачьи ватага) уходил в дальний поход, то, по наказу Войскового Круга и Атамана, все дела в ватаге вершил Походный Круг.

Ватаги шли одновременно в разные стороны и каждый ватажный Походный Круг поступал по своему, а по приходе на Дон „держал ответ“ перед Войсковым Кругом и Атаманом.

Постановления одного ватажного Круга не распространялись на казаков другой ватаги, если они действовали порознь.

Не то же ли сейчас и у нас?

Вольное Казачество — это одна ватага, действующая сама по себе, независимо от других казачьих („единонеделимских“) ватаг, в будущем обязанная „держать ответ“ перед Державным Кругом Казакии. Может ли эта „ватага“, т. е. Вольное Казачество, иметь свой Походный Круг?

Смело можем сказать: если это — казачья ва-

тага, то не только может, но и обязана на основании казачьей „обычности“ и все свои дела решать сообща в Кругу. Тем более, что наша вольно-казачья ватага находится в дальнейшем походе и о Войсковом Круге (Раде) или тем более о Державном Круге Казакии и говорить пока не приходится.

Вопрос, следовательно, сводится только к одному: может ли Походный Круг Вольного Казачества именовать себя Кругом Спасения Казачества.

На вопрос можно ответить вопросом: а имел ли право Малый Войсковой Круг (вдобавок „полузаконно“ избранный) именовать себя „Кругом Спасения Дона“?.. Ведь самое главное постановление этого Круга Большой Войсковой Круг В. В. Д. аннулировал Основными Законами В. В. Д. (параг. 1, статья 1, раздел 1.): „Все-великое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства“.

В то же время многие из постановлений Круга Спасения Дона были Большим Кругом одобрены, как было одобрено и наименование Малого Войскового Круга — „Круг Спасения Дона“.

В настоящее время все казачьи „водители“ думают только о „спасении“ России (о чем Россия их и не просила! Да и от кого спасать от русских или от казаков?), но никак не о спасении Казачества, мы, вольные казаки, смело можем взять на себя инициативу спасения родного Казачества.

Казачество гибнет!..

Гибнет в Родных Краях, гибнет Оно и за родными границами, на чужбине!

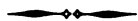
Быть или не быть Казачеству?

— Вот что означают слова „Круг Спасения Казачества“!..

Мне невольно хочется повторить бессмертные слова „неизвестного“ депутата Донского Круга:

Атаманы-молодцы!.. Пригребай к своему берегу!..

Да здравствует Вольно-Казачий Походный Круг Спасения Казачества!

Еф. Якименко.

Возможно ли примирение.

Редакция „ВК“, печатая в № 113 открытое письмо Якова Негреева — „Призыв“, — делает весьма резонную оговорку, что подобные мысли бродят не в одной казачьей голове. Но вряд ли мысли о мире с нашими противниками серьезно занимают головы вольных казаков, осознавших полностью идею освободительного вольноказачьего движения. Прежде всего, вольным казакам давно пришлось заметить, что „ВК“ ни на кого не нападает и не нападало в прошлом; всегда подчеркивало, что двери ВК для всех казаков, желающих воскресить свою казачью Родину, широко открыты.

Раз „ВК“ ни на кого не нападает, то, следовательно, и не создает искусственно себе врагов, но беда в том, что на ВК все время нападают, а самозащита так естественна и понятна, что „ВК“ защищается. Правда, у нападающих на ВК в настоящее время нет возможности физически расправиться с вольными казаками, но зато они обещают в будущем воздать вольным казакам „за измену“ сторицей. Генерал Шкуро вешать вольных казаков не обещает, однако пороть плетью уже обещал. Думаю, что никаким Шкурам расправляться с вольными казаками не придется.

Сказанного выше достаточно, чтобы понять, откуда должна исходить инициатива о мире. Но, возможен ли он? Тут вряд ли подойдет пословица: „худой мир лучше доброй ссоры“. Далеко не все казаки усваивают себе ту простую истину, что вольноказачье движение не есть политическая партия, а национальное движение. Генерал Толстов в своей статье говорит о к.к. движении как бы о партии, сравнивая с „атамано-старшинской“ партией, — что де и та и другая грешат. Если бы это было так, т. е. к.к. движение было политической партией, то примирение с другой партией вещь возможная. Следя за политиче-

ской жизнью других народов, часто приходится наблюдать, как политические партии объединяются, или при выборах или вотируя тот или иной законопроект и т. д.

Выше я сказал, что вольноказачье движение есть движение национальное. Оно стремится к созданию единого казачьего государства, независимо от того, что будет с Россией, какой строй там будет. Падет ли власть коммунистов при возрождении порабожденных народов, в том числе и казаков, или она попрежнему будет править Москвой, вольноказачьему движению до этого нет никакого дела. Каждый народ волен иметь у себя власть, какая ему больше всего по сердцу.

Вольные казаки не ждут падения московской узурпаторской власти, а по мере своих сил работают над вопросом скорейшего возрождения Казачества.

Совершенно иная картина у тех, кто нападает на ВК., кто называет к.к. „изменниками“. Прежде всего, они считают большим грехом (все за это называют вольных казаков изменниками) без участия русских „вождей“ приниматься за освобождение своих куреней, пойти за свой „порог и угол“, а эти русские „водители“ ждут пока их позовут: „приходите княжить и владеть нами“.

Казаки уже один раз имели союз с „русскими вождами“ и знают, во что это им обошлось, а ведь союз то был настоящий, был подписан договор и известно также, что казаки пол России усеяли своими костями, пропитали ее своею кровью, выполняя договор; известно также, как поступили „союзники“ — русские „водители“ со своими союзниками-казаками. И в будущем думать создать такой же „союз“ и в этом откровенно признались. Подходят ли казакам такой „союз“?

Интересно подчеркнуть то обстоятельство, что казачья масса давно осознала, что с „русскими вождями“ ей не по пути. Одно время это, как будто, понимали и казаки „вожди“ (время зарубежного съезда), но теперь они считают, что только в союзе с Общ. Воинс. Союзом им по пути. Ой ли!

Несколько словами можно сказать о разнице между вольными казаками и их противниками. У вольных казаков: „какою угодно ценою добиться освобождения Казачества и его независимого бытия“. У казачьих „вождей“: „с русскими вождями ждать, пока их

позовут освобождать свой русский народ, а потом ждать, что дадут казакам русские вожди“.

Тут уместно будет поставить вопрос казачьим „вождям“ и попросить ответа: а что если русский народ никогда не будет просить русских „вождей“ освобождать их. Что намерены делать тогда казаки „вожди“, будут ли они освобождать Казачество или махнут рукой?

Прочти это, козаче, и крепко подумай. — думаю, что поймешь разницу, а также поймешь, какое может быть примирение...

Думы и мысли.

Казачьи думы в письмах.

Живя в Париже в качестве представителя журнала „ВК“, мне приходится вести широкую переписку с казаками, живущими во всех уголках Франции и беседовать с ними на всевозможные темы. Эти казачьи письма, простые по своей форме, трогательно-задушевные по своему содержанию, представляют из себя интересный „человеческий документ“, в котором, как в зеркале, отражается вся душа казака, его чаяния и стремления, его горечи и радости, его сомнения и вера. В этих письмах раскрывается то подлинное, что близко и дорого казаку, те „злобы дня“, что волнуют и тревожат казаков.

Ибо письма эти не предназначены для печати, не имеют своей целью сбить кого с праведного пути, когонибудь „сagitнуть“, обратить в свою веру, а является только средством откровенной казачьей беседы, способом переключки. В них в самых простых выражениях, часто очень неграмотно, но всегда искренно высказывается то, о чем болит душа казака.

И я хочу, в качестве иллюстрации, привести в данной заметке некоторые выдержки из этих писем. Они интересны и ни в каких комментариях не нуждаются.

Вот пишет казак, давно находящийся без работы, терпящий большую нужду (потому что в провинции так называемую „шомажную“ помощь он не получает).

... „Работы еще не нашел — все обещают... Дела мои настолько дрянь, что не хочется и за перо браться и наводить на друзей тоску. Вот поэтому так долго я Вам не писал, поджидая лучшей „у моря погоды“... А говоря откровенно — положение мое безвыходное и петля ве туже и туже затягивается вокруг моей шеи. Существую пока на заем в счет будущих благ, а когда они придут и придут ли? Не ведаю... И вот это то и повергает меня в досадное уныние, ибо в таких переплетах я еще никогда не был.

Недавно получил письмо от друга из Парижа. Оказывается, там некоторые казаки собираются ехать за океан и обосноваться на земле, которую дают бесплатно. Кто организывает это переселение мне неизвестно, но перспектива рисуется заманчивая: степи, леса, глушь, приволье и всякое изобилие плодов земных и живности, а главное вдали от западной европейской культуры, где казаку нечем дышать. А все таки хорошо было бы всем вольным казакам переселиться (только не так, как ген. Павлюченко) одной семьей куда-нибудь и без „ваньков“ дружно зажить по своему обыкновению. Насколько серьезна эта новая затея о переселении группы казаков в Южную Америку — я не знаю, а потому и распространяться здесь не стану. Если что узнаю, так немедленно же сочту своим долгом оповестить Вас что и как, чтобы всесторонне обсудить сей вопрос в кругу наших единомышленников.

Недавно я читал № 5 „Казачьего Набата“... И что это за удивительный прохвост — г. Чапчиков? Был ведь он и самостийником, и возвращенцем, а теперь стал „монархистом“ и пописывает статейки в духе прошлого. Например: передовую его — „Царю верным казаком“ в старое время можно было встретить в „Областных Ведомостях“, а „Булавинский бунт“ сверху до низу пропитан тенденциозным „очковитирательством“. Вообще же: бреше Чапчиков... Что же касается перемывания

косточек самостийников, то на этом удалой полковник ничего не преуспее... Вольное Казачество настолько серьезно себя зарекомендовало в глазах широких масс, что ему не страшны теперь Чапчиковские выпады и сплетни. И мне кажется, что звук „набата“ также скоро и навсегда умолкнет, как давно заглохло кирилловское движение, оставившее на время в своем арьергарде суетливых и шумливых младороссов. Ну, и пусть себе пошумят — все равно ни шута не выйдет!

А присмотритесь ка в № 32 „Иллюстрированной России“ к фотографии: „Атаман Богаевский и председатель Обще-Воинского Союза ген. Миллер“... и Вы увидите Миллера в позе начальника, устами и руками дающего распоряжение ген. Богаевскому, а поледнего в позе подчиненного, внимательно слушающего эти указания... И так, лишний позор всему казачеству еще раз запечатлен отчетливо на фотографической пластинке.

На днях одна дама в № презентовала мне рекламу „Общества Взаимного Кредита“, подписанную Н. М. Мельниковым, В. Ф. Зеелер и... за председателя Совета А. П. Богаевским. Вот тебе и на — Донской Войсковой Атаман ген. Богаевский стал банкиром А. П. Богаевским, принимающим „все виды страхования“, „переводы в Россию с быстрой и аккуратной доставкой“, переводы валюты для закупок в Торгсине“ (экая подхлывающая связь?) и вообще заявляющим о связях Общества „с большими торговыми домами“... После такой рекламы невольно и подумаешь: „и начерта Атаману Богаевскому казаки, когда он занят другими, личными делами?“ Атаман банкир, атаман торговец, атаман посредник в коммерции... И какой позор Донскому Войску ген. Богаевским нанесен!...

К этому письму я от себя ничего не прибавляю, ибо „комментарии излишни“.

А вот другое письмо казака, тоже находящегося без работы, но все же не унывающего, полного веры и надежды в светлое и лучшее будущее Казачества.

... „В общем положение мое скверное, но я не теряю надежды выскочить из этого заколдованного круга... Только и бывают у меня радости в те дни, когда получаю „Вольное Казачество“. В нем я читаю свое; нахожу Правду; вся печатная зарубежная брехня меркнет перед нею и снова на две недели я как бы заряжаюсь верой и надеждой на будущее казачье лучшее. А знаете ли, что значит вера и надежда в дни беспросветные, да еще когда дождь осенний моросит и вся природа осопливается кругом? Это тот в жизни человека невидимый двигатель, что дает возможность терпеть, жить и ждать светлого солнышка на небосклоне непригодной действительности“...

И еще третье письмо, в котором говорится также о горестях и скитаниях казака эмигранта:

... „Оставшись без работы, в поисках новой работы проезжал почти пол Франции, израсходовался на ять, впал в долги по самое горло. После долгих скитаний и мучений, только вчера, наконец, поступил на работу в одну из Антреприз, что пробивает шоссе новую дорогу через... Работа, правда, легкая, но говорят, зимою здесь невыносимо холодно... Как бы я не страдал, в какие бы переплеты я не попадал, все равно я живу одной идеей, одной надеждой и верой в скорое освобождение Казачества, в его лучшее счастливое будущее. И она то, эта идея и вера, является для меня костылем при

физических недугах, целительным бальзамом для наболевшей моей души. Ею я живу и о ней я всюду рассказываю в своих скитаниях при встрече с казаками, которые так же, как и я, легко загораются ее воспламеняющей силой... К сожалению, в последнее время дела мои сложились так неблагоприятно, что долго вынужден был скитаться, а потому вот уже три месяца, как я не вижу свой родной журнал „Вольное Казачество“. Не знаю, что там в казачьих сферах творится. Я — человек отсталый и судьбой заброшенный в малонаселенные места Альпийских гор, ни откуда ничего не получаю. Прошу вас хоть немного посвятить меня в казачьи дела и поделиться имеющимися у вас новостями“...

Ш. Балинов.

К скалозубам.

Обращаюсь я к вам, русские казаки, как к противникам ВК. Что же это вы так больно нагло клеветаете на наших вождей? Ведь многие из вас были нашими кунаками, а теперь вдруг стали врагами. Мы, вольные казаки, заявляем вам, русские казаки: бросьте ваше грязное дело и не мешайте нашим руководителям в их работе. Кто же вам виноват, что вы не сумели на нас, казаков, повлиять? Вы сами признались, что обанкротились. После вашего банкротства казаки перестали вам верить и большинство пошло в ряды ВК.

Вы уверяете нас в том, что у ВК нет в настоящее время достойных руководителей. Просим вас не болеть душой о наших вождях, а постараться о своих лапотниках. Вы твердите, что в ВК всего три человека, а вас будто тысячи, но эти три человека так застряли вам в зубы, что вы не в состоянии перегрызть их... Если вольные казаки ничего для вас не значат, спрашивается — что же вы кричите в своем жалком журнальчике и пытаетесь вождей ВК на дуэль вызывать. Для нас, казаков, довольно смешны эти ваши нелепости. Если вам очень уж не дает покою наша работа и вам не хочется жить на свете, то советуем вам удариться лбом об стенку, но все же жаль вас, как казаков, — поживите...

Просим „КК“ больше нас не трепать, ибо все равно казаки вам не поверят. Мы уважаем свой журнал и своих вождей за их искреннюю правду и за то, что они вложили ее в нашу душу.

22-10-32. Франция.

Д. Чесноков.

Столпотворение Вавилонское.

III. Рогатки.

Союзник Общ.-В.-Союза г. Соламахин, желая поиграть на больных струнах казака, обращаясь к кубанцам пишет: „На каком основании Донские казаки вмешиваются в жизнь Кубанского Войска, Кубанских станиц и хуторов за границей и лезут нахально туда, где их не просят“ (См. „КК“ № 109, стр. 24). Выше и на следующей странице, он вопрошает: „Что им Кубань?“

Будем беспристрастны и зададим себе вопрос: что сказал г. Соламахин казакам? — Не о самостоятельности ли Кубанских казаков и Кубанского Войска?

Получается очень странно, ибо после того, как г. Соламахин отказался от казачьей самоцели, он вдруг защищает самоцель Кубанского Войска, производя шум-бум в жур. „КК“ против вольных казаков за то, что они защищают самостоятельное бытие всего Казачества в том числе и самостоятельное право Куб. Войска. Вероятно г. Соламахин сам себя не понимает, что говорит и пишет, а поэтому и ставит себя под свои собственные удары.

Второй союзник Общ.-В.-Союза ген. Богаевский, желая увлечь казаков за собой, тоже играл на больных струнках казака, а потому прикрывался Вольным Казачеством и писал казакам: „Тяжкие мрачные тучи сгустились над Вольным Казачеством в Советской России“... (См. „Инф. Лист.“ Об'ед. Сов. Д. К и Т от 1924 г. за № 8, стр. 1.). Теперь он повернул свою голову по течению противоположного ветра.

Полагаю, что для казачьей массы будет понятно, откуда идет вообще (и на протяжении многих веков и последних лет) казачье разединение в духе рогаток 1918 и 1920 гг. В те годы ген. Деникин с Освагом при

помощи некоторой войсковой старшины искусно ставил рогатки казачьими руками одних казаков против других казаков и ныне рогатки на лицо, а кирилловец г. Чапчиков твердит: „кубанцы душат донцов“... Здесь видна и понятна работа „опекунов“.*)

Пусть будет в противном лагере и в стане холопов и рабов так потому, что у них доминирует личность барина и им не понять духовной жизни вольного казака, а для последнего безразлично, кто бы ни был в центре ВК: терец, астраханец или казак-калмык, ибо для вольных казаков прежде всего важна Идея, а потом Казак-сепаратист, но только не ветродуй.

„На каком основании Донские казаки вмешиваются“ в жизнь Кубанских казаков — думаю на основании простой истины, которая говорит о государственной основе всего Казачества и на том же основании, на каком русский пензенский или воронежский вмешивается при общегосударственных делах в дела русских тамбовских, курских и наоборот. Вообще печально, когда приходится объяснять элементарную истину „олигным“ и „видным“.

В дни наказных атаманов среди Казачества политическая жизнь была мертвая и погребена под скупом монарших грамот. Мы казаки не имели права вмешиваться не только в общеказачью политическую жизнь, но и у себя в станице не знали, что делается, а „что прикажут“. Донские или другие казаки вмешиваются на тех же основаниях, на каких основаниях отдельное Войско вмешалось при Юго-Восточном Союзе**) и при Об'ед. Сов. Дон., Куб., Тер., в дела других Каз. Войск (См. „Дон. Лет.“). Если Общевоинский Союз вмешивается в Общеполитическую казачью жизнь, назначая старших над казаками, даже не спрашивая каз. „вождей“ (***) то почему донцы к кубанцам, а кубанцы к донцам не имеют права с общеказачьей политической целью вмешиваться в интересы всего Казачества, когда связывающим звеном между Каз. Войсками является казачья кровь и слово „казак“, как у русских — „русский“.

По понятиям Соламахина, как единонеделимца, казаки „вмешиваются“, а по понятиям казаков будет так: „Мы предлагаем братьям-казакам освободиться от роли „Мишки“, покорно плетущегося в поводу какого-нибудь цыгана, и собственным своим казачьим разумом разобраться в туманной программе казачьих единонеделимцев и уяснить ее себе“ („ВК“ № 100, стр. 13)

Казачья масса это понимала и казачьи понятия выражены в пограничной болезни, но, к сожалению, „опытные“ и „видные“ были в роли „Мишки“ на поводу „Освага“ и Деникина, которые выкачивали все силы Казачества и если бы между Соламахиним и Деникиным поводка не было, то г. Соламахину не пришлось бы быть за границей и выкладывать из беженского чемадана Кубанского Войска не уместные секреты. За отсутствием средств у Кубанского Войска нет возможности содержать разведывательный отдел при походном Штабе Кубанского В. Атамана, положенный по штату“ („КК“, № 109, стр. 20).

Огкровения Соламахина свидетельствуют, что „Осваг“ с Деникиным все средства выкачал у Куб. Войска и у всего Юго-Вост. Казачества, но в этом казачья масса не виновата, а виноват тот, кто помогал выкачивать все материальные и духовные силы Казачества.

Казалось, что печальный опыт прошлых лет для Науменко и Соламахина должен был быть понятным, но не понятно, почему теперь Соламахин еще предлагает заключить союз с той же фирмой под маркой Общ.-В.-Союза. Очевидно для новых выкачиваний казачьих сил.

Ив. Скобелин.

*) См. „Пос. Нов.“ за № 3956 от 1932 г. „В стане кирилловцев“.

**) „Да поможет нам Господь Бог... крест целовать вместе на том, чтобы строить одно прекрасное здание — великий и могучий Доно-Кавказский Союз!“ (См. „Пос. Нов.“ № 2327).

***) „Из этих запросов я вижу, что казаков очень смущают заявления руководителей Об.-Воинского Союза о „непризнании“ ими Об'единенного Совета Дона, Кубани и Терека“ Слова ген. Богаевского. „Инф. Лист.“ Об'ед. Сов. Дон., Куб. и Тер. № 11, стр. 6 от 1925 г.

Ген.-м. К. А. Ленивов.

(К десятилетию со дня смерти).

Ровно десять лет тому назад, в ноябре 1922 г. в Константинополе умер от менингита (воспаление мозговой оболочки) Всевеликого В. Д. ген.-м. К. А. Ленивов...

Происходя из природных казаков хут. Сулиновско-Кундрюческого, Новочеркасской ст., покойный родился 18 мая 1872 г. Получив образование в Донском кадетском корпусе и Новочеркасском юнкерском казачьем училище, К. А. Ленивов был произведен в хорунжие 5 апреля 1893 г., проходя в дальнейшем военную службу в 12 Донском к. п., 5 Донском Атамана Власова п. и т. д.

Будучи отличным наездником и джигитом, молодой сотник, а потом и под'есаул, на окружных офицерских скачках (Варшавского военного округа) взял ряд первых призов, что было большим успехом для простого казачьего офицера, скакавшего на собственном строевом коне, причем надо забывать, что в Варшавском военном округе в мирное время была сосредоточена почти вся русская кавалерия.

Уйдя в 1907 году в отставку по домашним обстоятельствам, под'есаул К. А. Ленивов, служа в г. Новочеркасске по Министерству Финансов, явился первым пионером в деле развития соколовского движения в Казачьих Областях. Выписав из Чехии ряд выдающихся соколов-инструкторов, объединив их вокруг себя, пожертвовав большие денежные суммы на дело развития Соколовства на Дону, К. А. Ленивов уже в 1911 г. создал в г. Новочеркасске первое гимнастическое общество, получившее наименование „Донской Сокол“. Будучи избран первым председателем „Донского Сокола“, К. А. Ленивов уже в 1912 г. выстроил в г. Новочеркасске по Горбатой улице (недалеко от угла Атаманской) отлично оборудованную соколовню, богато снабженную всеми гимнастическими аппаратами и принадлежностями.

С началом Великой войны (1914—1917 г.г.) под'есаул К. А. Ленивов был призван вновь на военную службу. Проведя всю войну в строю и будучи ранен (в боях под м. Олькой в 1917 г.), К. А. Ленивов последовательно был произведен в чины есаула, войск. ст., полковника, получив при этом за боевые отличия ряд орденов, а равно и двойное представление к Георгиевскому оружию.

Будучи раненым в голову в августе 1917 г., К. А. Ленивов находился на излечении на Дону, когда начали разыгрываться события исключительной важности для Казачества. По представлению чрезвычайного станичного сбора казаков Новочеркасской ст., К. А. Ленивов был по приказу Походного Атамана В. Д. назначен начальником партизанского отряда казаков Новочеркасской ст.. Принимая участие в защите г. Новочеркаска от наступления красной гвардии, К. А. Ленивов с своими партизанами после сдачи г. Новочеркаска (12 фев. 1918 г.) ушел в Степной поход проводя его до конца и получив „Степной крест“ за № 400.

Ген.-м. К. А. ЛЕНИВОВ

(к десятилетию со дня смерти).

Приказом по Всевеликому В. Донскому от 14 мая 1920 г. за № 189, К. А. Ленивов произведен в чин ген.-майора.

Окутившись за-границей, в эмиграции, и оказавшись без всяких средств, ген.-м. Ленивов не растерялся и начал одним из первых эмигрантов зарабатывать себе кусок хлеба тяжелым физическим трудом. Переменив последовательно „амплуа“ кузнеца, грузчика, стекольщика, К. А. Ленивов в конце концов устроился на относительно спокойную службу в качестве швейцара. Имея известный досуг времени, К. А. Ленивов занимался живописью и продавал произведения своих рук. Справедливость требует отметить, что покойный являлся большим художником, доказательством чему служат награды, полученные им на выставках своих картин еще в мирное время.

Любя историю Казачества, ген.-м. К. А. Ленивов не только был отличным казачьим строевым офицером, но еще и настоящим казаком-отцом, сумевшим воспитать своих сыновей в духе любви и преданности святым идеалам Казачества.

Да, будет тебе, любимый отец, мать сырая земля — легким пухом!..

Старший сын А. Ленивов.

Павел Поляков.

Казачьи фельетоны.

Кто он?

Что живем мы в эпоху великих свершений и великих людей — это всем ясно. — И не только полковникам и генералам, но даже и нижним чинам. И мне — желторотому.

Вот и захотелось мне о сих великих людях миру поведать. — „Да ведают потомки православных“, как сказал поэт.

Да и не одним „православным“, а и казакам знать не вредно. Итак, октаюсь, приступаю.

В городе Кральево — Он. Богоданный герой, обединитель казачества и рачитель за его судьбу.

В Кральево, как это говорится высоким стилем, он „живет и работает“.

А как же он „работает“,? А вот как.

Не понравились ему Смедеревцы — садится он и пишет.

Не воззвание, не обращение, не „не могу молчать“ и не „J'accuse“. Нет!

А просто... донос в полицию!

„Они мне не подчиняются, я вычеркнул их из кубанского списка... в интересах русско-казачьего единства... отобрать печати... запретить собрания“...

Полиция сдрейфила. Втупик стала!

Полная подпись и титул стоит какой-то неизвестной величины.

Полезли в словарь Брокгауза и Ефрона — не нашли. В Готский альманах заглянули — и там нет! Что за чертовщина!

А казаков с их атаманом — знают!

И плюнули! Даже спешная услуга „причисленного к ген. штабу“ полковника Гришина — не помогла.

А он тоже доносец черкнул. Слезно жаловался: — „Меня, полковника, кто-то, где-то побить грозился“...

Господин полковник, купите себе панцырь в магазине старых вещей... А то, не приведи Бог... жалко мне вас...

— Вот они, наши герои!

И ничтожен и жалок по сравнению с ними кажется мне Наполеон с его пустой фразой: „Солдаты... сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!“

Эка невидаль! Просто дешевая демагогия! Наши орлы, подведя казаков к кубанской канцелярии, похлеще сказать могут: „Казаки! сотни доносов смотрят на вас с этих запыленных полок!“

Знай наших!

Чтобы отдохнуть от столь больших трудов, наши герои устраивают праздники. На празднике по числу присутствующих говорят речи. По штуке на особу. И отдельно — для дам!

Сколь сии речи достопримечательны, — приведу примеры.

Один ставропольский казак так начал: — „Г.г. офицеры и нижние чины!“ Не даром когда-то в жандармерии служил... знает и овец и козлиц! А второй (тоже ставропольский) так прямо заявил: — „кто не военный, тот не казак!“

Жаль мне Павла Ивановича Курганского. Ей Богу. Деньги с него за ужин взяли, на стул сесть разрешили. Но правду матку — в глаза отрезали. Ты, говорят, юрист, а посему — не казак...

Дак он как развел руками, так с разведенными руками и ходит по Белграду.

Всю жизнь прожил, казаком себя считал? Ан — ошибка вышла. И ставропонец ему ее объяснил! Ведь обидно ему теперь. Чего же он в председатели Рады лез, спрашивается?

На празднике этом особенно восхвалялись курсы генерального штаба для г.г. офицеров и еще какие-то... для нижних чинов.

Курсы действительно... того... не шуточные. Одну химию целых два часа учили... И стрельбу без винтовки, и артиллерию без пушек и джигитовку без коней!

Вот химики-то!

Праздник прошел блестяще, чинно и благородно. Впереди — начальство... цветник дам... речи до изнеможения... и прочая и прочая.

Одно скверно. В 7 часов вечера пришли подметать и проветривать помещение. „Выкидывайся“, говорят! На очереди „Объединение чинов российской полиции“.

Пришлось раскопаться...

Почему же вы, хлопцы, не вместе праздновали? И почему вы не объединились?.. Жандармы и доносчики... Ах! как бы это было дивно... как трогательно, какое сродство душ, какая гармония!

Никому я еще стихов не посвящал. Не хотелось как-то! Но ему, герою нашему, отцу и благодетелю — хочу целый том написать. В знак восторга, восхищения и преклонения. Работа подвигается медленно, но я не робею.

И пока объявляю первое четверостишие, которое на книге золотым тиснением вместо заголовка напишу:

Не выбран Он! Он — Богом дан!
Ругаясь с нами, как извозчик,
Он был никчемный атаман,
Но первоклассный был доносчик!

Казачья эмиграция.

На Большой Круг В. К. (с'езд).

Поступило: от Н. К. Боровлева (из Бельгии) 100 кч.; от А. С. Тырина (из Швеции) 15 шведских крон; от А. Соловьева (из Швеции) 10 шв. крон.

Переслано: П. С. Поляковым 200 кч.

С. С. Савицкому.

Дорогой! Слышу... Не забыл, нет — помню...

Да и как забыть, ведь для меня, как тогда, так и теперь Казачество превыше всего, даже превыше самого себя...

Вот почему всей душой хочется хоть одно пока отвоевать в нашей теперешней жизни: это — легального вождя ВК движения.

Он нужен, без него мы не оформлены, без него мы не достигнем цели, не достигнем того, о чем тогда — давно в Турецких окопах — мы говорили.

А поэтому еще посылаю на В. К. с'езд свою лепту.

Шлю Вам в далекую Бразилию свой казачий привет. А. Тырин.

Русские студенты преследуют казачьих студентов.

События, происшедшие настоящей осенью среди студентов Белградского университета, настолько интересны и показательны, что требуют самого детального освещения на страницах казачьей прессы.

Гонение на казачьих студентов приняли настолько ярко-враждебные формы, что молчать об этом больше нельзя.

Отстаивая казачьи права и казачье имя, в конце марта месяца с.г. Общеказачья Студенческая Станица на станичном своем сборе вынесла (единогласно, при

одном воздержавшемся) приговор о вступлении в ряды национального движения В. К., а уже в апреле началась глухая и скрытая работа против отдельных ее членов со стороны противников его. Казаки, разбросанные по провинции, оторванные от культурных казачьих центров, желая повидать и послушать свою молодежь, так горячо и искренно выступавшую за Казачество и народную правду, стали просить станицу сделать несколько докладов на темы: о Казачестве, о группировках в нем, об его истории, которая умышленно искажалась русскими историками, а также обо всем том, что волнует и беспокоит казака-эмигранта. Станица на зов своих братьев стала посылать своих членов — молодых казачьих студентов и таким образом быстро установилась так необходимая связь между казачьей интеллигенцией и рядовым казачеством и завязались теплые, дружеские отношения, возникшие на почве взаимного понимания и моральной поддержки. Студенческое Правление посетило Новый Сад, отдельные студенты побывали в Смедерево, Скопье, Панчево и др. местах. Результаты не замедлили выявиться, казаки стали целыми организациями переходить на сторону единственного чисто казачьего движения — Вольного Казачества. Ген. Науменко, видя, что если это так продолжится и дальше, что если и дальше будут находиться люди, могущие смело сказать в глаза казачу горькую истину о том тяжелом положении, в которое Казачество попало и, чувствуя, что казаки уходят от него, решил выступить на борьбу. Начав с письма Быкадорова, закончив своим неудачным личным выступлением в Белграде, он стал рассылать своих эмисаров: Шкуру отправился в Скопье, г. Соламахин в Смедерево. „Кавказский Казак“, запутавшись в собственной лжи, стал травить со своей стороны вольноказачьих деятелей.

Студенческая станица, опять же по просьбе казаков, командировала в Смедерево на тот большой сбор,

на котором должен был выступить Соламахин, двух своих членов: донца Ник. А. Евсеева и кубанца Петра М. Мерзликина.

Из столкновения двух мнений родилась та истина, которая выразилась в голосовании — 6 за Соламахина, 64 за В. К.

Соламахин, провалившись со своей антиказачьей проповедью, покинул собрание и, пылая злобой на всех тех, кто осмелился иметь и свое собственное мнение, решил отомстить в первую очередь тем, кто провалил его перед казаками.

В этот день Смедерево посетил представитель русской молодежи, русский студент Ирошников. Соламахин информировал ст. Ирошникова о своей поездке, о положении дел в Казачестве и на обратном пути достаточно потрудились, чтобы воодушевить его на акцию против казаков-студентов, членов академической организации, „Союз Русских студентов“.

На пароходе же, Соламахин неожиданно подошел к казачим студентам и, будучи подвыпивши, откровенно заявил:

— Вы меня победили... Я — проиграл, господа...

На эту тему с ним разговаривать не стали и он пошел опять в каюту.

Тогда явился ст. Ирошников и с развязностью обратился к ст. Евсееву:

— Ну что, ты наших русачков разгромил?..

Ст. Евсеев ответил, что он к русачкам не ездил, а был у казаков по чисто казачьему делу.

— А на каком основании называешься ты казаком, а не русским?

— На том, на каком поляк есть поляк, француз есть француз, калмык есть калмык и т. д.

— А на каком ты языке говоришь?..

— На испорченном русском.

— Почему-же ты состоишь в Союзе Русских студентов?

— Потому, что состав Союза есть собрание всех, живших раньше в старой России. Ты меня не переубедишь, будущее нам, казакам, укажет наше собственное место, и с кем мы будем тогда, будет для тебя ясно.

Ирошников, по приезде в Белград, был поддержан русской национальной молодежью и отдельными студентами. Была составлена „петиция“ в Правление Союза с просьбой об исключении студентов-казаков Мерзликина и Евсеева из Союза, о выселении их из общежития и о лишении их студенческой стипендии. Под этой „петицией“ подписалось девяносто русских студентов. Правление, во главе с г. Есиповым (председателем Союза), долго оттягивало это дело, понимая, что это политическое выступление, но под давлением национальной молодежи, которая в последнее время настойчиво добивается иметь влияние на Союз Русских студентов и его правление, по существу своему строго аполитичной и академической организации, вынуждено было разослать анкету с запросом ко всем, подписавшим „петицию“, кто и что слышал о ст. Мерзликине и Евсееве...

Ответы пришли совершенно не по существу и не сколько характерных из них мы приводим:

Так ст. Тучков заявил, что если Мерзликина и Евсеева не исключат из Союза, раз они не считают себя русскими, то он просит его не считать членом Союза.

Ст. Иванов Леонид начал издадека. Он написал, как еще в Донском корпусе Мерзликин, Евсеев, Букин и др. проводили казачью идею и она яркой чертой проходит в их прошлом. Эта работа не была детской игрушкой, она была сознательная и планомерная и очень опасная для России, а потому такой элемент держать в национальном (?) Союзе нет никаких сил.

Затем мы думаем, что не ошибемся, сказав, что ст. Александр Бердников высказался так:

— Находясь с этими казаками уже три года, мне надоело слушать, как поносило русское имя, а непризнавание себя русскими, а казаками, глубоко меня оскорбляло. Я не могу слушать больше нападок и порицаний на все русское, считаю такой элемент вредным в нашей среде и прошу подобных людей исключить из Союза.

Ст. Георгий Перфильев коснулся всего и сказал, что это движение опасное и весьма вредное для России. А так как работа вольных казаков уже пускает корни, то их надо вырвать в самом начале, а не допускать расти дальше и углубляться.

Эти и аналогичные им анкеты и ответы заставили г. Есипова обратиться и к другим лицам. Так запросили Соламахина, председателя Русской Колонии в Смедерево Н. Чуракова и др. Председатель Чураков написал следующее письмо:

№ 226 Милостивый Государь!

В ответ на Ваш № 142 от 31 мая с. г. имею честь препроводить Вам копию поступившего в колонию заявления полковника Гришина, которое весьма ярко характеризует характер политической работы г. г. Мерзликина и Евсеева. В добавление к этому заявлению могу сообщить, что выступление г. г. Мерзликина и Евсеева произвело угнетающее впечатление и вызвало справедливое негодование среди всех национально мыслящих членов колонии. Полный раскол и необыкновенное обострение отношений в местной казачьей станице, вызывающее вполне оправданное опасение возможности эксцесов со стороны несознательных элементов, — безусловно есть результат работы этих безответственных агитаторов.

Прошу принять выражение глубокого моего уважения, председатель Колонии: Чураков.

(Окончание следует).

По поводу „джигитовки“ г. Стибы.

Милостивый Государь,
Господин Редактор!

Не для „ответа“ и не для личной „реабилитации“, а для всеобщего сведения всех вольных и „невольных“, но честных казаков, прошу дать место на страницах „ВК“ нижеследующему моему письму:

В октябрьском номере „КК“ напечатано письмо-паксвиль команды кубанских джигитов подхор. А. Стибы, бывшей это лето в Румынии. Письмо это адресовано Кубанскому Войсковому Атаману и носит заголовок... „Насильная вербовка в в. казаки“...

Вот это письмо: „Ваше Превосходительство и все братья казаки! Нам стало известно, что нашу группу, которая в настоящий момент джигитует в Румынии, записали в свое сообщничество некоторые личности, именующие себя вольными казаками и ведущие подлую поджигательную пропаганду против нашего Войскового Атамана, казачьего Войскового Правительства и нашей общей матери — родины России.“

Объявляем всем, что все это наглая ложь. (Точка. В. Е.). Что наша группа никогда ни к каким самостийно-бунтарским организациям не примыкала, и что, оставаясь верными и любящими сынами Кубани и России, мы остаемся верны и послушны Вам Ваше Превосходительство — нашему Войсковому Атаману. Политикой мы не занимались и не занимаемся, „зная“, что у нас есть и свое Войсковое Правительство и свой Атаман, которые преодолевая все трудности, ведут нас по твердому и верному пути и никогда не поддадимся на изменческую, разжигательную пропаганду господ розового и красного цвета. Господам же, которые занимаются этой пропагандой, и примыкающим к ним, место не среди честных казаков и не в правовом государстве, а среди тех, от которых эти господа неизвестно зачем убежали. Просим Ваше Превосходительство принять от нас заверения в глубоком к Вам и всем братьям казакам уважении и любви. Старший группы А. Стиба. Помощник А. Загута“.

Под письмом „пояснительная выписка“:

„В № 108-109 „Вольного Казачества“ был помещен снимок Кубанских джигитов подх. Стибы и фальсифицирует донца В. П. Елисеева из Румынии такого содержания: „Джигиты Подх. Стибы в ряды ВК! Защищая вековые казачьи традиции, защищая основы казачьего быта, народоправства и казачьего равенства, мы, нижеподписавшиеся казаки, не находим иного выхода, как стать в ряды вольных казаков — националистов“. Далее шли подписи всех джигитов. „Если г. Елисеев

имел наглость объявить нас своими единомышленниками и братьями по идеям, а деньги, данные на клише, обратил на в.-казачий с'езд, то просим Вас, г. Полковник, считать это подлой и мошеннической проделкой г. Елисеева и поместить наше письмо к В. Атаману и Казакам, пишут джигиты из Румынии".

Привел это "письмо" куб. джигитов и "пояснительную выноску" редактора "КК" полностью для того, чтобы их смогли прочитать все вольные и "невольные" казаки, по каким-либо причинам никогда не видевшие в глаза "КК" (помог, так сказать, "рекламе" "КК") и, прочитав, убедились, где же именно обретается "подлая и мошенническая" проделка.

Время неустойчивое, особенно для людей неустойчивых, с мелкой, гнусной, трусливой душенкой... И то, что куб. джигиты перед приближающимся в'ездом их в Юго-Славию "не нашли иного выхода", как перейти из "рядов вольных казаков — националистов" в "ряды казаков невольных", дело их "подневольной" совести, как людей "неустойчивых"... Но что касается слишком "крепких" выражений письма по адресу "самостийно-бунтарских организаций" и совершенно лишней всякой человеческой совести "пояснительной выноски" по моему лично адресу, то над этим куб. джигитам стоило бы, как вообще людям, имеющим хотя самый ничтожный процент человеческой совести, стыда и чести, подумать и устыдиться если уж не людей, так Бога...

В самом деле: "Если г. Елисеев имел наглость объявить нас своими единомышленниками и братьями по идеям, а деньги, выданные на клише, обратил на в.-казачий с'езд, то просим Вас, г. Полковник, считать это подлой и мошеннической проделкой г. Елисеева..."

Клянусь честью казака-офицера, что если мне когда удастся увидеть куб. джигитов, то у них глаза покажутся на лоб от стыда...

Все же жаль... До какой низости могут снизойти люди, когда они становятся рабами — "невольниками", не хозяевами далее своих собственных чувств, дум!.. Как еще крепки "невольные" казачьи пути! И как подчас они еще в состоянии затащить до полного удушья казака, вместе с его душой!..

С горечью в душе приходится констатировать, что есть еще такие казаки, которые говорят, думают и чувствуют себя казаками лишь тогда, когда они с казаками (в своей среде), но стоит только из-за угла показаться "г. Полковнику" и слабые их мышинные душенки моментально шмыгают в пятки, холодеют, тереются, перестают думать, чувствовать...

Послушайте же, "неустойчивые кубанские джигиты! Послушайте, не оглядываясь на "угол"!..

Разве я во время пребывания вашего в гор. Клуже в чем либо "нахальничал" перед вами? Разве я просил, предлагал вам "записать" вас в свое сообщество? Не так ли было дело, что в один из вечеров пребывания вашего в Клуже ко мне пришли на дом казаки: Г. Кузнецов и П. Мошногорский с просьбой: — Пришли к вам, г. есаул, с просьбой от команды". Просьба ваша не в этом ли заключалась, что казак Георгий Кузнецов положил на стол ваш 1) "фальсификат", подписанный собственноручно каждым казаком команды, где вы просили "не находя иного выхода, как стать в ряды вольных казаков-националистов" ("фальсификат", был написан вами, командой, и вас я к этому, ведь, не подбивал ни одним словом); 2) подписной лист жертвующих на вольно-казачий с'езд, в котором каждая фамилия и пожертвованная сумма были написаны собственноручно каждым казаком, 3) 750 лей, из которых Кузнецов и Мошногорский посчитали: а) 300 лей — годичная подписная плата за журнал "БК" (был указан каз. Кузнецовым адрес в Юго-Славию); б) 300 лей на в.-казачий с'езд (согласно подписного листа) и 150 лей на клише (я говорил, и 100 лей достаточ-

но для клише, но Кузнецов и Мошногорский настояли, чтобы я принял для клише 150 лей); 4) и карточку, с просьбой, чтобы я от себя написал о джигитовке команды в г. Клуже.

Так было или нет?.. Не так?.. А так, как теперь пишете вы? То-есть, что ваше добровольное заявление — "фальсификат" о принятии вас "в ряды вольных казаков-националистов" было написано и подписано мной, а деньги, в сумме 750 лей все якобы были предназначены "на клише"? Не много ли слишком на клише?..

И это вы пишете теперь, когда со дня опубликования мной касающегося вас "фальсификата" прошло ровно три месяца (август, сентябрь и октябрь)? Почему же вы не писали свое "письмо" Куб. Войск. Атаману тогда, когда получили от меня № 108-109 "БК", т.-е. в конце июля месяца?

И почему вы 10 августа, через вручавшего мне деньги каз. Г. Кузнецова, подтверждая получение журнала 108-109, писали от лица всей команды и благодарили за то, что я "исполнил вашу просьбу в точности"?..

В конце сентября я порвал как то с вами связь (ведь вы ее держали со мной все время, находясь в Румынии, сообщая мне все время даты 15 и 30 каждого месяца, чтобы я к этим числам высылал вам журнал "БК" на указываемые вами адреса — как условились в Клуже) и тогда 25 сентября я получил от вас открытку: "Г. Есаул! Почему Вы не выслали нам журнал № 110-111 на указанный Вам адрес? Просим Вас выслать нам еще один раз, а потом будем получать из Праги. Высылайте по адресу: Тыргу-Жиу, пост-рестант. А пока шлем Вам всей командой привет. Ожидаем ответа. Мы направились на Юго-Славию. 27 октября будем на границе. Георгий Кузнецов..."

А сегодня, получив "КК", получил "другое"...

Немцы говорят:

— Потерять деньги — ничего не потерять, потерять доверие — многое потерять, а потерять бодрость духа, значит все потерять. Все! И душу, и стыд, и совесть, и вообще всякое человеческое достоинство...

Насчет же того, что таким, как я, место не среди честных казаков и не в правовом государстве (жаль, что подх. Стиба, найдя очередной иной выход, рассчитал с своим "письмом" так, что оно уже появилось уже тогда, когда он успел выехать из "правового государства", а то бы он мог убедиться, как раз на себе, что значит "правовое государство", а среди тех, от которых эти господа убежали, — мы, б. м., когда либо и где либо, встретясь, поговорим, установим "место" каждому из нас...

А пока скажу, для всеобщего сведения всех честных, прямых и твердых казаков, лишь одно. Стыдно посылать без всякой вины своего казака к "тем", которые его, изувечив, выгнали из своей Родной Земли и заставили скитаться по чужбине на одной ноге.

Стыдно — раз, грешно — два, а самое главное — глупо...

Примите мой горячий привет и полное к Вам уважение.

Есаул Войска Донского В. П. Елисеев.
Клуж, 2. XI. 1932.

От редакции. Подлинное заявление джигитов г. Стибы было переслано станичником Елисеевым в редакцию одновременно с его письмом. Для нас не подлежит никакому сомнению, что г. Стиба и некоторые из его джигитов вероятно думают, что в политической жизни, в борьбе Казачества за его будущее можно тоже "джигитовать"... Такие "джигиты" и губили всегда казачье дело... Нам, вольным казакам, такие "прыгуны" не нужны... В наших рядах место только искренним, смелым, честным и убежденным и прямодушным.

От редакции.

Убедительная просьба ко всем, обращающимся за тем или иным в редакцию или посылающим деньги — все равно: подписку или в фонд С'езда, — всегда сообщать точный свой адрес, написанный четко и разборчиво.

В К а з а к и и.

По советским газетам.

В „М.“ 15 октября „приказ“: „Выправить фронт хлебозаготовок“!

17 октября: „Строжайший учет каждому килограмму колхозного хлеба“...

22 октября: „Истекли сроки сева для всех районов края. Между тем, есть районы, где фактически нет еще массового сева: Белореченский, Майкопский, Лабинский, Матвеево-Курганенский, Северский, Краснодарский.

„Прорыв в Адыгее с каждым днем углубляется“...

„Зерносовхозы не ликвидировали отставания в севе и хлебодаче“...

23 октября в „М.“ опубликовано официально о том, что в ряде районов „сев идет совершенно неудовлетворительно“...

24 октября там же: „Сломить демобилизационные настроения по хлебозаготовкам“...

26 октября: „Сокрушить оппортунистическое сопротивление хлебозаготовкам в Краснодарском районе“...

28 октября: „Перелом в севе еще не завоеван“...

30 октября: „Положение с севом, хлебозаготовками и взметом зяби все еще продолжает оставаться явно-неспособным, позорным для нашего края“...

„Северные районы позорно ведут хлебозаготовки“...

„Темпы резко снизились“...

1 ноября: „Из всех районов края только один — Мясниковский — выполнил годовой план хлебозаготовок“...

2 ноября: „Районы Кубани — самые отстающие в крае“ (по севу и хлебозаготовкам)...

„Кулацкие агенты срывают сев и хлебодачу“...

Два письма с Дона.

I.

... Вы пишете, чтобы мы сообщили Вам новости... У нас только и новостей — что нечего есть (шамать). Вот с утра сидим и ждем хлеба, а он будет в 4 часа вечера. Вот тут и говорят: за что мы боремся? — Чтобы меньше ели. А хлеб такой, что если бросишь кошке, то она не ест; понюхает и пойдет от него: боится отравы.

Так вот какие у нас новости. И не думаешь, что надо работать... Лишь бы день до вечера... Так — ни жив и ни мертв, только что ходишь. Ничто не мило. Скоро погибнем (подохнем), а чтобы деньги не пропали — я их пропью сейчас. Водка у нас старинная, бутылка стоит 8 рублей, а зарабатываем упряжкой 2 р. 8 коп.; забойщик зарабатывает 5 руб. 75 коп. на упряжку. Одним словом, на водку не зарабатываешь.

Хорошая, но длинная свобода...

У нас постановили, чтобы воров не было; если кол-

хозник возьмет один кочан капусты или горсть зерна, то его ссылают на 10 лет в каторжные работы. Аресты идут большие...

Базаров у нас нет и нечего покупать, а если кто покупает на дому, то обоих присуждают тоже на 10 лет. В колхозах хлеб молотят и прямо везут на станцию. Маслины (подсолнух) косят косилками. Я ходил на эти работы. Маслина никуда не годится, идет на смарку к... социализму. Наверное 33 год чтонибудь скажет...

Извиняй, что плохо написал. Сажу с утра до вечера голодный... У нас ведро картофеля стоит 8 руб.

X.

II.

... Нам из письма вашего видно, что вы еще живете пока в хороших условиях. Базары у вас есть, на базарах что купишь, то и купишь, а у нас базары малые, на базаре, можно сказать, нет ничего и все дорогое; если кто получает 300—400 рублей, тот только и живет хорошо. А нашему брату приходится страдать в настоящее время...

Дорогой... № новостей у нас покуда нет никаких, все проходит пока по старому, сов. союз крепнет с каждым днем и будет крепнуть, пока не произойдет...*)

Пришли больше бумаги, у нас сейчас нет...

*) В подлиннике точки. В. Б.

Поправка.

В № 116 „В. К.“ на стр. 14 сверху вместо: ... я боролся доступными мерами, осуждая их иногда бессознательную работу на разрушение Войска“, надо читать ... „я боролся доступными мерами, осуждая их иногда сознательную, а иногда и бессознательную работу на разрушение Войска“.

Розыски.

Лиц, знающих о судьбе:

ГЕЛЬМУНДА Александра Эмильевича, прапорщика бронепоезда „Москва“ (или „за Москву“); ЛИПИНСКО-ГО Константина Александровича, штабс-капит. Севского пех. полка, назначенного потом в XII особый полк для отправки во Францию, жившего в последнее время в Харбине; ФЕДОРОВСКИХ Михаила и Маркиана Леонидовичей, вольноопр., жителей Харькова, вступивших в Добармию в 1919 г.,

просят сообщить по адресу: Italie, Firenze via Toscani, 41, p.p. ing. Emilio Mutti.

К вольным казакам в Париже и его окрестностях.

По случаю пятилетнего юбилея журнала „Вольное Казачество“ парижское представительство „ВК“ в субботу 10 декабря устраивает традиционный „чай“, на который приглашаются все вольные казаки, живущие в Париже и его окрестностях.

Каждый казак, желающий принять участие в „чае“, вносит плату в 20 фр. (безработные — 10 фр.).

Для определения числа участников (чтобы заблаговременно нанять соответствующее помещение) предлагается всем желающим записаться предварительно со внесением установленной платы до 27-го ноября включительно.

Запись и взносы принимаются: у СКОБЕЛИНА (Billancourt, rue Traversier, 12)

и у БАЛИНОВА (Joinville le Pont, rue du Chemin Creux, 7).

Записаться можно и письмом.

О дне и месте будет сообщено специальным приглашением.

Открыта подписка
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Ч. С. Р. по 100 к. ч.
за год, а за границу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Vlné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.